

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 МАЯ

№ 10.

1864 г.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 чиселъ, съ Іюля 1861 года. Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

1) *Отъ 18 Марта 1864 года. Объ открытіи въ селѣ Оржевкѣ Кирсановскаго уѣзда женской общины.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложеніе Статсъ-Секретаря, Князя Сергія Николаевича Урусова, отъ 4-го сего Марта за № 1363, коимъ объявляетъ, что, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ 29-й день минувшаго Февраля, ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ учрежденіи женской общины въ селѣ Оржевкѣ, Кирсановскаго уѣзда, на изложенныхъ въ томъ опредѣленіи основаніяхъ, и объ укрѣпленіи за общиною земли, жертвующей въ пользу оной помѣщицею Тищенниною.

По справкѣ оказалось: Святѣйшій Синодъ, по разсмотрѣніи дѣла объ учрежденіи женской общины въ имѣніи г-жи Тишениновой—сель Оржевки, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, находилъ, что 1) жертвуемые г-жею Тишениновою, и, со смертію сестры ея Вѣры, нынѣ перешедшіе изъ общаго въ полное ея жертвовательницы, владѣніе способы для устройства предполагаемой ею къ учрежденію въ сель Оржевки женской общины, и къ содержанію оной, а равно и имѣющаго быть при ней причта, достаточно обезпечиваютъ существованіе сего учрежденія и священно-церковно-служителей при ономъ; 2) но предназначаемое г-жею Тишениновою въ дополненіе къ симъ способамъ отбываніе временно-обязанными ея крестьянами издѣльной или барщинной повинности въ пользу общины, имѣющей открыться въ сель Оржевки, не можетъ быть допущено, такъ какъ на основаніи 3-го пункта **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного 19-го Февраля 1861 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, населенныя помѣщичьи имѣнія, вмѣстѣ съ крестьянскимъ надѣломъ и съ правомъ на крестьянскія за этотъ надѣлъ повинности, могутъ быть передаваемы только потомственнымъ дворянамъ; 3) за симъ на увеличеніе матеріальныхъ средствъ общины могли бы быть обращены, согласно желанію учредительницы, получаемые ею самою съ временно-обязанныхъ крестьянъ сель Оржевки и Васильевки оброчныя деньги, но во избѣжаніе могущихъ возникнуть впоследствии затрудненій, представляется болѣе удобнымъ предложить г-жѣ Тишениной обра-

тятся къ выкупной операціи и полученныя ею выкупныя деньги предоставить въ пользу общины; 4) для принятія въ общину не встрѣчается надобности въ требованіи отъ лицъ, въ оную вступающихъ, увольнительныхъ отъ общества и надлежащихъ начальствъ документовъ, такъ какъ документы сіи требуются собственно для поступленія въ монашество, въ общинѣ же постриженія монашескаго не допускается, а потому документы общежительницъ могутъ ограничиваться однимъ только надлежащимъ видомъ на прожитіе; 5) по симъ же основаніямъ не представляется нужнымъ и удобнымъ опредѣленіе возраста для поступающихъ въ общину, тѣмъ болѣе, что и въ обители иноческія принимаются для прохожденія некуса лица всякаго возраста, и 6) пріемъ въ общины и увольненіе изъ оныхъ, по принятому порядку, совершается по представленіямъ начальницы общины, съ утвержденія епархіальнаго начальства, а потому относительно собственно общины въ селѣ Оржевкѣ не требуется установленія особыхъ правилъ и основаній, по коимъ должны быть совершаемы самый пріемъ и увольненіе ихъ изъ общины. Принимая во вниманіе вышензложенное и признавая учрежденіе новой общины въ Тамбовской епархіи дѣломъ Богоугоднымъ и полезнымъ въ религіозно-правственномъ отношеніи, Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ 9 Декабря 1863 и 27 Января 1864 г. постановилъ: 5-го Февраля 1864 г. учрежденіе общины въ селѣ Оржевкѣ, Кирсановскаго уѣзда, на счетъ жертвующихъ Тишениною способомъ дозволить, съ тѣмъ, чтобы: 1) общинѣ сей состоять подъ во-

кровительствомъ духовнаго и гражданскаго начальства, на основаніяхъ и правилахъ существующихъ уже въ другихъ мѣстахъ Имперіи таковыхъ же общежитій; 2) число сестеръ общины ограничить первоначально 50-ю, предоставивъ епархіальному начальству впослѣдствіи увеличить оное, сообразно потребностямъ и средствамъ содержанія общины; 3) при церкви общины открыть особый штатъ причта изъ священника, діакона и причетника, съ обезпеченіемъ ихъ въ содержаніи на счетъ указываемыхъ учредительницею общины способовъ. На каковыя предположенія, равно и на укрѣпленіе за общиною жертвующей Тишениновою изъ имѣній ея, въ селѣ Оржевкѣ и деревнѣ Васильевкѣ земли, въ количествѣ 704 десят. 2000 квадр. саж., и предоставилъ Г-ну Синодальному, Оберъ-Прокурору испросить **ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** соизволеніе. Приказали: объ изъясненномъ **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, касательно учрежденія женской общины въ селѣ Оржевкѣ Кирсановскаго уѣзда, съ укрѣпленіемъ за оною жертвующей г-жею Тишениновою земли, въ количествѣ 704 десятинъ 2000 квадратныхъ сажень, указомъ дать знать Его Преосвященству для зависящихъ къ исполненію распоряженій, съ тѣмъ, чтобы согласно заключенію Святѣйшаго Синода, изъясненному въ опредѣленіи отъ 3-го Февраля сего года, предложено было жертвовательницѣ, взамѣнъ предназначавшагося ею отбыванія временно-обязанными ея крестьянами повинности въ пользу общины, обратиться къ выкупной опера-

ціи и, по полученіи выкупныхъ денегъ, представить оныя въ пользу общины.

2) Отъ 12 Марта. Объ учрежденіи въ Тифлисъ и Ставрополь Комитетовъ для улучшенія быта духовенства Терскаго и Кубанскаго казачьихъ войскъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 11 числа минувшаго Февраля, въ коемъ изъяснено: Для ближайшаго попеченія объ улучшеніи быта духовенства и непосредственнаго завѣдыванія относящимися къ тому распоряженіями, по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному 14 Апрѣля 1863 года журналу Присутствія по дѣламъ Православнаго Духовенства, учреждены въ 1863 году въ большей части губерній особыя Губернскія Присутствія, составленныя изъ Епархіальныхъ Архіереевъ, Начальниковъ губерній и Управляющихъ Палатами Государственныхъ Имуществъ, а частію и другихъ должностныхъ лицъ, — и предложено примѣнить сію мѣру, по возможности, и къ духовенству другихъ мѣстностей, въ томъ числѣ и духовенству Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, изъ коего только одна часть въ Кубанскомъ войскѣ (состоявшая въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ) подчинена Кавказскому Епархіальному Начальству, а остальная часть въ Кубанскомъ и во всемъ Терскомъ войскѣ (составлявшихъ прежде Кавказское линейное казачье войско) подвѣдома Главному Священнику Кавказской Арміи.

По сдѣланному предварительному сношенію по сему предмету съ Г. Военнымъ Министромъ и съ мѣстнымъ Преосвященнымъ, получены отъ нихъ свѣдѣнія, что Его Императорскимъ Высочествомъ, командующимъ Кавказскою Арміею, сдѣлано надлежащее распоряженіе къ учрежденію Комитетовъ для улучшенія быта Духовенства: бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, вошедшаго въ составъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ,—въ Тифлисъ, подъ председательствомъ Главнаго Священника Кавказской Арміи,—а для бывшаго Черноморскаго казачьяго войска—въ городъ Ставрополь, подъ председательствомъ Преосвященнаго Кавказскаго. При семъ въ составъ Тифлисскаго Комитета назначено отъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ по одному члену духовному и по одному военному; опредѣленіе же состава Ставропольскаго Комитета предоставлено ближайшему усмотрѣнію Преосвященнаго Кавказскаго, по взаимному соглашенію съ Командующимъ войсками Кубанской Области. О таковыхъ учиненныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ командующимъ Кавказскою Арміею, во исполненіе **ВЫСОЧАЙШЕЙ** воли, распоряженій къ учрежденію Комитетовъ: въ Тифлисъ для улучшенія быта Духовенства бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, вошедшаго въ составъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, и въ Ставрополь — для улучшенія быта Духовенства бывшаго Черноморскаго казачьяго войска, Присутствіе по дѣламъ Православнаго Духовенства имѣло счастіе всеподданнѣйше доводить до **ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО**

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА свѣдѣнія по журналу своему отъ 30 Декабря 1863 года, удостоенному **ВЫСОЧАЙШАГО** утверждения 26 минувшаго Января. Приказали: О содержаніи вышеизложеннаго предложенія Господина Судовальнаго Оберъ-Прокурора, касательно учрежденія въ Тифлисъ и Ставрополь Комитетовъ для улучшенія быта Духовенства Терскаго и Кубанскаго казачьихъ войскъ, дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) О подтвержденіи священно-церковно-служителямъ, относительно выполненія обязательствъ, принятыхъ ими при поступленіи на мѣста.

На справкѣ Консисторіи, представлявшейся по прошенію заштатнаго священника Антона Ракшинскаго о невыдачѣ ему зятемъ его, села Инокровки Кирсановскаго уѣзда священникомъ Николаемъ Оржевскимъ, согласно обязательству, на пропитаніе, по 25 руб. въ годъ, резолюція Его Преосвященства Преосвященнаго Оеодосія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго послѣдовала 13 Февраля сего 1864 года таковая: Священника Оржевскаго обязать выдавать священнику Ракшинскому на содержаніе съ семействомъ по 60 руб. въ годъ, со взысканіемъ съ него и за время невыдачи пособія по обязательству, считая по 25 р. въ годъ. О чемъ предписать благочинному, вмѣ-

нивѣ ему въ обязанность обращать строгое вниманіе на выполненіе Оржевскимъ изложеннаго обязательства и въ случаѣ невыполненія дѣлать вычетъ изъ кружечнаго раздѣла на долю Оржевскаго по расчету. А между тѣмъ, по причинѣ множества просьбъ, поступающихъ къ епархіальному начальству, о невыполненіи подобныхъ обязательствъ, въ видахъ устраненія обременительной по сему предмету переписки, считаю нужнымъ предписать циркулярно всеѣмъ благочиннымъ, обращать строгое вниманіе на выполненіе принятыхъ священно-церковно-служителями обязательствъ, по обезпеченію сиротствующихъ и заштатныхъ лицъ и семействъ, съ употребленіемъ, гдѣ нужно, и вышешропанной мѣры.

Вслѣдствіе чего Тамбовская Духовная Консисторія и объявляетъ всеѣмъ благочиннымъ къ должному и неупустительному съ ихъ стороны по сему исполненію и распоряженію.

III.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1) О ПЕРЕМѢНАХЪ ПО ДУХОВНО-УЧЕБНОМУ ВЪДОМСТВУ.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода ²⁴/₃₁ марта сего года, положено: 1) ректора симбирской семинаріи архимандрита Іону, по разстроенному здоровью, уволить отъ духовно-училищной службы и 2) ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ означенной семинаріи опредѣлить инспектора олонецкой семинаріи архимандрита Аонасія.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 24/31 марта 1864 года положено: 1) на вакансію ректора с.-петербургской духовной академіи перемѣстить ректора казанской духовной академіи, имѣющаго лично степень настоятеля первокласнаго монастыря, архимандрита Іоанна, а на его мѣсто, ректоромъ казанской академіи, опредѣлить ректора казанской духовной семинаріи архимандрита Иннокентія, съ увольненіемъ его отъ должности настоятеля Іоанно-Предтечевскаго заштатнаго монастыря и съ присвоеніемъ лично степени настоятеля первокласнаго монастыря; на должность же ректора и профессора казанской семинаріи назначить инспектора оной, архимандрита Варсонофія, съ предоставленіемъ въ его управленіе Іоанно-Предтечевскаго заштатнаго монастыря; 2) на вакансію ректора и профессора по классу богословскихъ наукъ въ харьковскую семинарію опредѣлить инспектора казанской духовной академіи, имѣющаго лично степень настоятеля третьекласнаго монастыря, архимандрита Веніамина; и 3) на вакансію ректора и наставника по классу богословскихъ наукъ въ олонецкую семинарію перемѣстить ректора вологодской семинаріи, настоятеля второкласнаго Спасо-прилуцкаго монастыря, архимандрита Іоанана, съ оставленіемъ за нимъ лично степени настоятеля второкласнаго монастыря, а на его мѣсто, ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ, а также настоятелемъ вологодскаго второкласнаго Спасо-прилуцкаго монастыря, опредѣлить инспектора той же семинаріи, архимандрита Поліевкта.

2) О ПРОДАЖЬ КНИГЪ

ОТПЕЧАТАНА И ДОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА: ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ О
НЕВЪРІИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СОВРЕМЕННОМЪ.

Составлены экстраорд. професс. С.-Петербургской Духовной Академіи *Андреемъ Предтеченскимъ*.
1864 г. Цѣна 1 р. безъ пересылки; съ пересылкою 1 р. 25 коп.

(Выписывающіе не менѣе четырехъ экземпляровъ на пересылку ничего не прилагаютъ.)

Требованія на книгу адресовать преимущественно въ Канцелярію Правленія С.-Петербургской Духовной Академіи, а также и къ книгопродавцамъ: Кораблеву, Овсянникову, Кожанчикову, Давыдову и къ другимъ книгопродавцамъ въ С. Петербургѣ.

Въ Канцеляріи Правленія С.-Петербургской Д. Академіи можно получить еще слѣдующія книги того же автора.

1) Въ защиту Русскаго православнаго духовенства отъ современныхъ обвиненій и нареканій 1863 Цѣна 1 р. съ пересылкою.

2) О необходимости священства противъ безпоповцевъ. 1860. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Съ дозволенія цензуры. 22 Марта 1864 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Госуд. Имуществъ.

ПРИБАВЛЕНИЕ
КЪ
ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ
ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

15 МАЯ

№ 10.

1864 г.

Наставленія св. Отцевъ. — Разказы изъ библейской исторіи — Бесѣды о Божественной литургіи. — О началѣ расколовъ и ересей въ Тамбовской Епархіи. — Рѣчь по случаю обнаруженія положеній, о земскихъ учрежденіяхъ. — Взглядъ христіанна на состояніе души.

НАСТАВЛЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

VI.

РАЗНЫЯ ПОВѢСТВОВАНИЯ — КЪ УКРѢПЛЕНІЮ ПРОТИВЪ
ВОСТАЮЩИХЪ НА НАСЪ БЛУДНЫХЪ БРАНЕЙ.

**О БЛУДѢ, — ЧТО ОТЪ НЕГО ДОЛЖНО БЛЮСТИСЬ СО ВСЯКИМЪ
ТЩАНИЕМЪ И СТРАХОМЪ.**

1) Авва Каріонъ сказалъ: «человѣкъ, пребывающій съ отрокомъ, если не силенъ, идетъ внизъ, если же силенъ и не идетъ внизъ, то и не преуспѣваетъ.»

2) Авва Антоній говорилъ: «думаю, что въ тѣлѣ есть естественное движеніе, прирожденное ему; но оно не дѣйствуетъ безъ позволенія души и только означаетъ въ тѣлѣ страстное движеніе. Есть и другое движеніе, происходящее отъ питанія и разгоряченія тѣла пищею и питіемъ, коими разгоряченная кровь возбуждаетъ плоть къ дѣйствованію. Потому то и говоритъ Апостоль: *не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ* (Ефес. 5, 18). Также и Господь въ Евангеліи заповѣдалъ уче-

никакъ Своимъ: *вземлите себѣ, да не когда отячуютъ сердца ваша обяденіемъ и пїанствомъ* (Лук. 21, 34). Въ подвизающихся же бываетъ иное движеніе, происходящее отъ навѣта и зависти демоновъ. Итакъ надобно знать, что есть три движенія тѣлесныхъ: одно естественное, другое—отъ безразличнаго употребленія пищи, третье—отъ демоновъ.»

3) Братъ спросилъ авву Агафона о блудѣ, и онъ сказалъ ему: «поди, поверзи предъ Богомъ немощь свою, и найдешь покой.»

4) Авва Геронтій Петроніи сказалъ: «многіе, будучи искушаемы плотскими похотями, не совкупляясь тѣлесно, пали въ блудъ мысленно и такимъ образомъ, сохранивъ дѣвство тѣла, стали блудниками по душѣ. Итакъ хорошо, возлюбленные, исполнять слово Писанія: *всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце* (Прит. 4, 25).

5) Братъ спросилъ авву Данила: «дай мнѣ наставленіе, и я буду сохранять его.» Авва сказалъ ему: «никогда не простирай руки своей въ одну чашу съ женою и не ѣшь съ нею. Черезъ это ты немного убѣжишь отъ дѣланія блуда.»

6) Авва Евдемонъ говорилъ объ аввѣ Пафнутіи, отцѣ скитскомъ: «пришелъ я туда, будучи еще юнъ, и онъ не позволилъ мнѣ остаться тамъ, говоря: при себѣ я не поущу быть виду женскому въ Скитѣ, изъ опасенія вражеской брани.»

7) Авва Матой говорилъ: «пришелъ ко мнѣ братъ и сказалъ, что оглаголаніе хуже блуда.»—Я сказалъ ему: «жестоко слово сіе.»—Онъ говоритъ мнѣ: «ты же какъ думаешь о семъ дѣлѣ?»—Я сказалъ: «оглаголаніе худо, но имѣеть скорое врачество; ибо часто оглаголавшій кается, говоря: худо сказалъ я; блудъ же—естественная смерть.»

8) Авва Олимпій Келлійскій былъ боримъ на блудъ, и помысль говорилъ ему: «поди, возми жену.»—Онъ всталъ, приготовилъ глины и обдѣлавъ изъ ней женщину, сказалъ себѣ: «вотъ твоя жена! И такъ нужно теперь болѣе тебѣ работать, чтобъ было чѣмъ питать ее,»—и работалъ до утомленія. Черезъ день онъ опять приготовилъ глины и сдѣлавъ изъ ней дочь, сказалъ помыслу своему: «родила жена твоя, и такъ нужно теперь еще болѣе работать, чтобъ было чѣмъ питать и одѣвать дитя свое.» — Поступая такимъ образомъ, онъ утомилъ себя до крайности, и сказалъ помыслу: «не имѣю болѣе силъ сносить такой трудъ. И прибавилъ: не имѣешь силъ сносить трудъ сей? — Не ищи же и жены.» — И Богъ, видя трудъ его, взялъ отъ него брань,—и онъ получилъ покой.

9) Авва Пимень сказалъ: «какъ меченосецъ царскій всегда предстоитъ ему въ готовности: такъ и душа должна быть всегда на готовѣ противъ діавола блуда.»

10) Авва Анувъ спросилъ авву Пимена о нечистыхъ помыслахъ, кои раждаетъ сердце человека, и о суетныхъ пожеланіяхъ. Авва Пимень сказалъ ему на то: «*еда прославится съкири безъ съкущаго ея* (Ис. 10, 15)? — И ты — не подавай имъ руки, и они останутся бездѣйственными.»

11) Однажды братъ пришелъ къ аввѣ Пимену и говоритъ ему: «что мнѣ дѣлать, отче? Меня мучить блудный помысль; вотъ ходилъ я къ аввѣ Ивистіону и онъ сказалъ мнѣ: не попускай ему замедлять въ тебѣ.»—Авва Пимень говоритъ ему: «дѣянія аввы Ивистіона суть горь со Ангелами и забывается ему, что я и ты въ блудѣ.—Если монахъ будетъ воздерживать чрево свое и языкъ и будетъ жить какъ странникъ: то, повѣрь, онъ не умретъ.»

12) Братъ спросилъ авву Пимена, «что мнѣ дѣлать? — Меня борять блудъ и гнѣвъ?» Старецъ сказалъ ему: потому-то Давидъ говорилъ: *и льва и медведицу бѣше радъ твой* (Цар. 17, 6). Это значитъ: гнѣвъ я отсѣкалъ, а блудъ сокрушалъ трудами.»

13) Авва Пименъ сказалъ: «что касается до блуда и оглаголанія, то совершенно не должно человѣку ни произносить словомъ сихъ двухъ помысловъ, ни помышлять о нихъ въ сердцѣ. Если кто и совершенно осудитъ ихъ и оспоритъ въ сердцѣ своемъ, не получитъ пользы; но кто съ гнѣвомъ удалится отъ нихъ, тотъ будетъ имѣть покой.»

14) Спросили авву Пимена объ оскверненіяхъ, и онъ отвѣчалъ: «если упорядочимъ дѣяніе и бдительно будемъ трезвиться: то никогда не случится съ нами оскверненія.» —

15) Нѣкто спросилъ авву Пимена о блудѣ, и старецъ сказалъ ему: «велика помощь Божія, окружающая человѣка, но не позволяющая намъ видѣть ее очами своими.»

16) Съ аввою Пафнутьемъ жилъ въ скиту одинъ братъ, который, будучи боримъ на блудъ, говорилъ: «если возьму десять женъ, не удовлетворю похоти своей.» Старецъ отечески увѣщавалъ его и говорилъ: «не дѣлай такъ сынъ мой,—это брань отъ демоновъ.» Но онъ не послушался его; пошелъ въ Египетъ и взялъ жену.—По времени случилось старцу прійти въ Египетъ и встрѣтиться съ нимъ, несущимъ корзину съ черенками. Старецъ не узналъ его; но тотъ говоритъ ему: «я такой-то ученикъ твой.» — Старецъ, видя его въ такомъ безчестіи, заплакалъ и сказалъ: «какъ оставилъ ты прежнюю честь и пришелъ въ такое безчестіе? — Однако взялъ ты десять женъ?» — Братъ вздохнулъ и сказалъ: «нѣтъ я взялъ только одну,

и вотъ страдаю, чтобъ насытить ее хлѣбомъ.» — Старецъ говоритъ ему: «иди опять къ намъ.» Братъ спросилъ: «а есть покаяніе, авва?» Старецъ отвѣчалъ: «есть.» — И онъ, оставивъ все, послѣдовалъ за нимъ; и вступивъ въ скитъ, по искусу семь, содѣлался добрымъ монахомъ.

17) Рассказывали о матери Сарръ, что она 30 лѣтъ сильно была борима демономъ блуда; но никогда не молилась, чтобъ отступила отъ нея брань, а только говорила: «Боже, даждь ми силу!» —

18) Однажды сильнѣе налегаль на нее сей духъ блуда, подлагая ей суетности мірскія. Не ослабляясь въ страхъ Божиємъ и подвижничествѣ, взошла она въ одинъ день въ верхнюю комнату свою помолиться, и явился ей тѣлесно духъ блуда и сказалъ ей: побѣдила ты меня, Сарра! Она сказала: «не я побѣдила тебя, а Владыка мой Христосъ.» —

19) Авва Фока сказывалъ, что авва Іаковъ, перешедши въ скитъ, былъ сильно боримъ демономъ блуда, и, находясь близъ опасности, пришелъ ко мнѣ, и открывъ мнѣ свое состояніе, сказалъ: «съ поведѣльника я пойду въ такую-то пещеру. Прошу тебя, ради Гоопода, никому не сказывай о томъ, ни даже отцу моему. Сочти сорокъ дней и когда исполнятся, сдѣлай милость приди ко мнѣ и принеси святое Причастіе. Если найдешь меня умершимъ, похорони меня; а если еще живымъ, то приму святое Причастіе.» — Я общался, и, по прошествіи сорока дней, взялъ святое Причастіе и общаго хлѣба чистаго съ небольшимъ количествомъ вина, пошелъ къ нему. Приближаясь къ пещерѣ, я обонялъ великое зловоніе, которое исходило отъ тѣла его и сказалъ въ себѣ: «почилъ блаженный.» Но вошедши къ нему, я нашель его полумертвымъ. Увидѣвъ меня, онъ сдѣлалъ движеніе правою ру-

кою слабое, сколько могъ, и мною руки напомнилъ о святомъ Причастіи. Я сказалъ: имѣю. Хотѣлъ я открыть уста его, но они были сжаты крѣпко. Не зная что дѣлать, вышелъ я въ пустыню и, сорвавъ съ куста небольшую вѣтвь, ея съ большимъ трудомъ едва могъ нѣсколько открыть уста и приобщить его чистаго Тѣла и Крови, раздробивъ то на сколько можно мелчайшія части. Отъ принятія святаго Причастія онъ получилъ силу. Спустя немного, намочивъ нѣсколько крошекъ обыкновеннаго хлѣба, я поднесъ ему, и спустя не много — еще; впрочемъ по стольку, сколько онъ могъ принимать. И такимъ образомъ, по благодати Божіей, чрезъ одинъ день онъ пришелъ со мною пѣшкомъ въ свою келлію, избавясь Божіею помощію отъ пагубной страсти блуда.—

20) Одинъ старецъ имѣлъ ученика, котораго началъ бороть духъ блуда. Старецъ всячески увѣщавалъ его и говорилъ: «потерпи, сынъ! Это брань отъ врага.» Но тотъ отвѣчалъ ему: «не могу болѣе терпѣть, авва, чтобы не сдѣлать дѣла.»—Тогда старецъ, притворясь, сказалъ ему: «и я тоже боримъ, сынъ мой. Пойдемъ же вмѣстѣ, сдѣлаемъ дѣло и придемъ опять въ келлію свою.» У старца была одна монета и онъ понесъ ее съ собою. Когда пришли они на мѣсто, старецъ говоритъ ученику своему: «побудь внѣ, дай войду прежде я, а потомъ послѣ — и ты.» Вошедши, старецъ далъ блудницѣ монету и просилъ ее: «не оскверняй брата сего.»—Блудница дала слово старцу не осквернять брата. Старецъ вышелъ и говоритъ брату: «войди.» Какъ скоро онъ вошелъ, блудница говоритъ ему: подожди, братъ! Ибо, хотя я и грѣшница, но мы имѣемъ законъ и его нужно намъ прежде исполнить.—Итакъ она велѣла ему стать къ сторонѣ и положить 50 поклоновъ; и сама равнымъ образомъ ста-

ла къ сгоронѣ. Положивъ 20 или 30 поклоновъ, братъ пришелъ въ сокрушеніе и сказалъ въ себѣ: «какъ же молюсь Богу я, готовый сдѣлать такое преступленіе?» — Тотчасъ вышелъ, не осквернившись. Богъ же, видя трудъ старца, взялъ брань отъ брата; и они возвратились въ келію, слава Бога.

21) Одинъ братъ былъ посланъ своимъ аввою на послуженіе и пришедши на мѣсто, гдѣ была вода, нашель тамъ женщину, мывшую платье.—Возбудилась въ немъ похоть и онъ сказалъ ей: «преснимъ съ тобою.» — Она говоритъ ему: «послушать тебя легко; но я буду для тебя причиною великой скорби.» Тотъ спросилъ: «какъ?» Она отвѣчала: «по сдѣланіи сего дѣла, уязвить тебя совѣсть твоя и ты или отчаешься, или много потребно тебѣ будетъ труда, чтобъ притти въ тотъ чинъ, какой имѣешь нынѣ. Итакъ прежде, нежели получишь рану, поди съ миромъ въ путь свой.» Услышавъ сіе, онъ сокрушился и возблагодарилъ Бога и разумъ ея. Возвратясь къ аввѣ своему, онъ открылъ ему о семъ, — и онъ дивился ей. Послѣ сего братъ просилъ старца, чтобъ никогда не выходить ему впредь изъ монастыря. Старецъ положилъ такъ, — и онъ пребылъ въ монастырѣ, не выходя до самой смерти своей.—

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ.

КАИНЪ И АВЕЛЬ.

Адамъ и Ева, изгнанные изъ рая, поселились *прямо рая*, т. е. противъ рая и, вѣроятно, недалеко отъ него. Какъ протекла ихъ остальная жизнь, св. Писаніе объ этомъ ничего не говоритъ. Но надобно думать, что они во всю свою жизнь горько оплакивали свое преступленіе и раскаявались въ немъ, скорбѣли и воздыхали о потерянномъ блаженствѣ; быть можетъ и рай у нихъ былъ въ виду, — но взойти въ него они уже не могли: входъ въ него охранялъ приставленный Богомъ херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ. Къ этому должно присовокупить тѣ нужды и лишенія, какія встрѣчаются новопоселенцамъ: имъ надобно было подумать о способахъ своей жизни, — нужно было жилище, нужны были орудія *дѣлати землю*; все это они должны были придумывать и заводить. Впрочемъ Господь Богъ ихъ не оставлялъ и въ этомъ, а внушалъ и помогалъ имъ пріобрѣтать необходимое для жизни, — иначе они не могли бы жить, — погибли бы. Но несомнѣнно то, что вѣра ихъ въ Спасителя, Который со временемъ родится отъ жены для искупленія рода человѣческаго, какъ имъ было обѣщано Богомъ, немало утѣшала ихъ въ горестяхъ ихъ жизни. Потомъ доставило имъ нѣкоторую отраду и рожденіе у нихъ дѣтей.

Ктоже были ихъ дѣти? Первый сынъ Адама былъ Каинъ, второй — Абель. Когда, чрезъ сколько лѣтъ послѣ изгнанія изъ рая Адама и Евы, они

родились, это неизвѣстно. Знаемъ только, что Каинъ занимался земледѣліемъ и былъ права недобраго: а Авель пасъ овецъ и былъ благочестивый. Однажды они оба принесли Богу жертву: разложили дрова, положили на нихъ каждый свое приношеніе, — Каинъ, какъ земледѣлецъ, плоды земные; Авель же, какъ пастухъ, первородныхъ отъ своихъ овецъ—и, какъ бы въ даръ Богу, сожгли это. Такъ вдревности приносились Богу жертвы; что онѣ означали, объяснено будетъ послѣ. Но такъ какъ Авель приносилъ жертву съ *вѣрою* (Евр. 11, 4), чего въ Каинѣ не было: то Богъ показалъ, что дары Авеля Ему угодны, пріятны, а Каиновы нѣтъ; жертву Авеля принялъ, — *на Каина же и на жертвы его не внятъ*, говоритъ слово Божіе. Каинъ сильно оскорбился этимъ: явились въ его сердце сначала гнѣвъ и досада, а потомъ злоба и ненависть къ брату, какъ будто бы онъ виноватъ былъ въ томъ, что Богъ не принялъ его жертвы. Вотъ и еще успѣхи діавола! Злоба и ненависть — это его адъ, который онъ такъ удачно успѣлъ перелить въ сердце перваго Адамова сына.—Чувства эти измучили Каина до того, что *испаде лице его*, — онъ похудѣлъ. Богъ ввухалъ Каину, что напрасно онъ злобится на своего брата, что онъ самъ виновенъ въ томъ, что его жертва не принята; но Каинъ не вразумился. Онъ не только не выбросилъ изъ своего сердца ненависти къ брату; напротивъ позвалъ его съ собою въ поле и тамъ убилъ его. Какъ и чѣмъ убилъ и долго ли онъ его мучилъ, мы не знаемъ; сказано только, что убилъ. Вотъ явилась и смерть! Авель былъ первый мертвецъ изъ людей; онъ же и первый мученикъ, такъ какъ пострадалъ за свою вѣру въ Бога. — Какъ сильно это огорчило Адама и Еву, сколько горькихъ слезъ они пролили о своемъ сынѣ Авелѣ, это понятно всякому. — Потомъ

Богъ спрашиваетъ Каина: гдѣ твой братъ—Авель? Каинъ отвѣчаетъ: не знаю,—развѣ я сторожъ своему брату? Смотрите, какая грубость въ Каинѣ, какое ожесточеніе,—тогда какъ Богъ ждалъ отъ него покаянія! Далѣе Господь говоритъ: что ты это сдѣлалъ? *Кровь брата твоего вопіетъ ко мнѣ; за это проклятъ ты на земли: будешь обрабатывать землю и она мало плода будетъ производить для тебя; будешь стонать и трястись до конца своей жизни.* Каинъ понялъ опредѣленіе Божіе о себѣ,—понялъ, что онъ погибъ; но онъ не страшится этой гибели, этой вѣчной смерти—удаленія отъ Бога на вѣки; а боится только за жизнь временную и говоритъ Богу: велика моя вина и не можетъ мнѣ проститься (вотъ и отчаяніе—торжество діавола!). Но когда я удалюсь отъ Твоего лица; то всякій встрѣтившій меня можетъ убить меня. Онъ чувствовалъ, что кровь брата его должна быть отмщена ему. Нѣтъ, говоритъ Богъ; а если кто и убьетъ тебя; то ему это отмстится въ семь разъ. Потомъ Богъ положилъ на лицѣ Каина знаменіе, знакъ, по которому всякій бы могъ узнать, что это братоубійца Каинъ. Отверженный Богомъ, Каинъ удаленъ отъ родителей и вдалекѣ отъ нихъ поселился, гдѣ со временемъ, когда умножилось его потомство, построилъ и городъ.—

Вотъ что извѣстно намъ о Каинѣ и Авелѣ! Что же въ этомъ назидательнаго для насъ?—Адамъ и Ева во всю свою жизнь оплакивали свое преступленіе, раскаявались въ немъ; однакожъ не могли возвратитъ утраченнаго блаженства: тоже бываетъ и въ настоящее время. Человѣкъ иногда дѣлаетъ такой поступокъ, такой неосторожный шагъ въ жизни, что и самое искреннее его раскаяніе уже не можетъ загладитъ его, или поправить. А потому, православные, при всякомъ дѣлѣ смотрите на

его послѣдствія,—напередъ обеудите, что произойдетъ отъ этого дѣла, выдетъ ли изъ него добро; и тогда увидите, должно, или нѣтъ, его дѣлать. Адамъ и Ева утѣшались въ своей горькой жизни вѣрою въ обѣщаннаго Искупителя: вотъ намъ урокъ, гдѣ мы должны искать себѣ утѣшенія въ своихъ горестяхъ. Богъ ли насылаетъ на насъ какое либо несчастіе, люди ли подвергаютъ насъ какому либо страданію, сами ли мы навлекаемъ на себя какую либо бѣду: во всѣхъ бѣдствіяхъ нашей жизни единственное наше утѣшеніе должно быть въ Богѣ, — въ молитвѣ къ Нему, въ надеждѣ на Него, въ преданности Его волю. Всѣ другія утѣшенія — не отъ Бога происходящія — нечисты, непочвы, ничтожны.—Каннъ не отъ чистаго сердца приносилъ Богу жертву и Богъ не принялъ ея: помните это, возлюбленные. Приносишь ли ты что либо отъ своихъ праведныхъ трудовъ въ церковь Божию, даешь ли что во имя Божіе бѣдному, молишься ли ты, или другое что либо дѣлаешь для угожденія Богу: дѣлай все это съ любовію къ Богу, искренно; иначе ты не только не угодишь Богу, а даже прогнѣваешь Его. —Каннъ по ненависти и злобѣ убилъ Авеля: а чѣмъ Абель былъ виноватъ противъ него? Такъ-то слѣдъ на злоба! По этому бойтесь допускать до своего сердца этотъ демонскій адъ; а если когда и появится въ тебѣ злоба, старайся, какъ можно, скорѣе заглушить ее здоровымъ размышленіемъ и молитвою: иначе она навлечетъ на тебя великія бѣды. *Всяка горестъ и гнѣвъ и яростъ*, говоритъ Апостоль, *да возмется отъ васъ, со всякою злобою: бывайте же другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу, яко же и Богъ во Христвѣ простилъ есть вамъ* (Еф. 4, 31, 32).

Священникъ Ософилактъ Стандровскій.

Б Е С Ъ Д Ы
О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

VI

Б Е С Ъ Д А.

(послѣдняя)

Въ настоящей бесѣдѣ мы восполнимъ отчасти опущенное нами въ прежнихъ; мы намѣрены говорить о томъ, что чинъ Божественныя литургіи сохраняется въ нашей православной Церкви въ истинномъ своемъ видѣ, какъ онъ преданъ намъ отъ Самаго Господа Иисуса Христа и Его Святыхъ Апостоловъ и Богомудрыхъ Учителей церкви. Вы же приникните слухомъ и вниманіемъ къ нашимъ рѣчамъ, да никтоже будетъ прельщая васъ философією, ложно присвояющею это достоуважаемое имя, и тщетною лестію, по преданію человѣческому, а не по Христу.

Мы приняли сей благочестивый чинъ отъ церкви Греческой, которая никогда не переставала быть истинною церковію, и, по сознанию самихъ враговъ ея, сохранила преданіе истины неповрежденнымъ не только въ существѣ дѣла, но и въ самой буквѣ. Да усрамятся гордые невѣжды, вошіющіе противъ нашего православія! Само время и опытъ уже достаточно обличили ихъ; ибо то, что вкралось въ ихъ общества при мракѣ несчастныхъ обстоятельствъ, теперь раздираетъ ихъ союзъ разномысліемъ, суевѣріемъ и прямымъ невѣріемъ... И Самъ Господь Богъ, Глава церкви доселѣ видимо прославляетъ благочестіе сыновъ православной церкви Греческой и Русской. Не здѣсь ли сіяютъ петлѣніемъ и чудесами мощи св. патріарховъ Константинопольскихъ, Нифонта (XV в.) и Аѳанасія,

Лубенскаго Чудотворца? Не у васъ ли прославлены св. Петръ, Алексій, Иона и Филиппъ, чудотворцы Московскіе, св. Димитрій Ростовскій, св. Иннокентій Иркутскій, св. Митрофанъ Воронежскій, св. Тихонъ Задонскій и безчисленные сонмы подвижниковъ вѣры и благочестія? Гдѣ жъ нынѣ овыя глаголемые христіане старой вѣры? Да покажутъ себя отъ дѣлъ своихъ; но дѣла ихъ мрачны и гибельны.

Въ нашей церкви отъ самихъ св. Апостоловъ сохранилось преемственное рукоположеніе боголюбивыхъ епископовъ, а чрезъ нихъ и достойныхъ священниковъ. Пусть же укажутъ неразумно ревновавшій Лютеръ, безсмысленно враждующіе на церковь послѣдователи Аввакума, Θεодосія, Семена, бабы Акулины и прочихъ, коихъ имена также темны и неизвѣстны, какъ и дѣла ихъ, — пусть, говоримъ, укажутъ намъ на преемство у себя священства отъ св. Апостоловъ! *Омойте отъ лукавства сердца свои, бѣдныя братія наши, да обряцете спасеніе; доколь будутъ въ васъ помышленія бѣдъ вашихъ? Доколь будете сынами буими и безумными, мудрыми, еже творити злая, благо же творити не познаете* (Перем. 4, 14. 22)?

Мы же, братія, помыслимъ, какое благо даровалъ намъ Богъ, и не будемъ увлекаться пустозвонными рѣчами неблагонамѣренныхъ и вопкоравныхъ человекѣвъ: *изыдетъ бо духъ ихъ, и въ персть свою возвратятся, глаголь же Божій пребываетъ во вѣки.*—Буди же всѣмъ намъ, чадамъ православной церкви, и здѣсь ходитъ достойно званія своего, и въ будущемъ вѣкѣ получить обѣщанныя блага, благодатию Господа, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Иеромонахъ Арсеній.

О Н А Ч А Л Ъ

РАСКОЛОВЪ И ПЕРЕСЕИ

ВЪ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И ДѢЙСТВІЙ МОЛОКАНЪ.

По вѣншему образу жизни молокане-павликіане въ полной мѣрѣ суть іудейскіе фарисеи. Горячихъ напитковъ, свиного мяса и рыбы, немѣющей чешуи, не употребляютъ. Все это дѣлаютъ впрочемъ въ глазахъ христіанъ, — *да видими будутъ*, а дома, втихомолку, ни отъ чего не отказываются, и есть между ними исправные потребители горячихъ напитковъ. Праздники христіанскіе тоже только для видимости почитаютъ: но богослуженія и таинства, православною церковію установленныхъ, совершенно не уважаютъ какъ святыню; если же и принимаютъ, то наружно только, — безъ вѣры; постовъ рѣшительно не соблюдаютъ; отъ чего получили названіе между русскими — *молоканъ* и *формазоновъ*.

Молокане - павликіане (уклеинцы) собранія свои дѣлаютъ въ частныхъ домахъ, въ пятницу вечеромъ. Во время этихъ собраній женщина на аналоѣ читаетъ священное писаніе; мушцины занимаются изъясненіемъ писанія, спорятъ, иногда до весышки и явнаго разрыва, и поютъ разныя пѣсни. Изъ этихъ пѣсней — любимая: — *«кому повѣмъ печаль мою, кого призову къ рыданію; токмо Тебя, Владыко мой! Извѣстна Тебѣ печаль моя.»* — Въ этой пѣсни изложена скорбь Патріарха Іакова о потерѣ любимаго сына Іосифа. Вѣроятно, въ пѣсни этой подъ именемъ Іосифа они разумѣютъ Павла Самосатскаго, ихъ ересенца-

чальника. Напѣвъ молочанъ отвратителенъ и дикъ, какъ дикъ и отвратителенъ вой стаи голодныхъ волковъ.—

Всѣ вообще молочане любятъ читать св. писаніе ветхаго и новаго завѣтовъ; это ихъ страсть, завѣщанная Укленнымъ. Неучившіеся грамотѣ стараются выучивать наизусть тѣ мѣста изъ священнаго писанія, которыя, по мнѣнію Уклена, втораго у русскихъ молочанъ по ересеначаникѣ Павлѣ Самосатскомъ, ересепатріарха, служатъ основаніемъ ихъ лжеученія. — Въ спорахъ съ неопытными православными о христіанской вѣрѣ, молочане стараются сбить своего противника съ толка текстами священнаго писанія, выученными наизусть, и безирестанно перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому. Это молочане дѣлаютъ для того, чтобы уклониться отъ главнаго предмета бесѣды и кончить ее ничѣмъ.—Правильнаго логическаго разсужденія о какомъ бы ни было пунктѣ вѣры христіанской молочане терпѣть не могутъ; потому что ничего дѣльнаго и основательнаго сказать не могутъ къ подтвержденію своего неправаго лжеумствованія.

Но сему-то молочане уклоняются отъ бесѣды о предметахъ вѣры съ такими лицами, кои извѣстны способностію логически-твердо и отчетливо разсуждать; въ особенности, если видятъ, что между такимъ поборникомъ Христовой вѣры и молочаниномъ есть свидѣтели, понимающіе вещи съ надлежащей точки зрѣнія. Въ такихъ обстоятельствахъ молочанинъ хитро старается увернуться отъ состязанія и непремѣнно, или оставить своего противника подъ благовиднымъ предлогомъ, или замолчать и по упорству ничего не будетъ отвѣчать. Таковымъ упорнымъ молчаніемъ молочане обыкновенно отдѣльвались и теперь отдѣльваются въ присутствіи Консисторіи при вопросахъ.

Къ увлеченію неопытныхъ христіанъ въ свою секту молокане употребляютъ преимущественно два способа.—начитанность и знаніе текстовъ священнаго писанія и ви́шнія блага. Въ этомъ случаѣ молокане-навлікяне, въ полной мѣрѣ, дѣйствуютъ по примѣру ветхозавѣтныхъ фарисеевъ.—Ежели ветхозавѣтные фарисеи *преходили море и сушу со-творити единого пришельца*, (1) послѣдователя своей секты, то для молоканина нѣтъ препятствій, коихъ бы онъ не преодолѣлъ, если кого нибудь изъ неопытныхъ христіанъ замѣтитъ съ хорошими способностями, бойкаго, ловкаго и готоваго на всякое поползновеніе, противное кореннымъ правиламъ христіанской вѣры и государства (глухыхъ и нескромныхъ на языкъ молокане въ число своихъ послѣдователей не принимаютъ). Такого молодца, нужнаго для нихъ по ихъ расчетамъ, прежде всего молокане всеми низкими продѣлками стараются расположить къ себѣ, не касаясь предметовъ вѣры. Для сего, подъ видомъ искренняго желанія—улучшить домашнее состояніе, дѣлаютъ ему разнаго рода одолженія по торговлѣ (2). За тѣмъ уже, при частыхъ свиданіяхъ, молокане лукаво высказываютъ свое знаніе священнаго писанія; лукаво читаютъ тѣ мѣста этого писанія, которыя неопытному внушаютъ отвращеніе къ видимой церкви на землѣ, ея таинствамъ и богослуженію (3), подрываютъ внутреннюю—сердечную расположенность къ Престолу, отечеству и предержавшимъ властямъ. Успѣвъ во всехъ своихъ разбойническихъ продѣлкахъ, открываютъ ему мало-по-малу сокровенныя тайны своей ереси и творятъ ей сына *генны сугубьша себе* (4).

(1) Мат. XXIII. 15. — (2) Ук. Сив. отъ 24 Апрѣля 1838 г. № 5588. —

(3) Тамъ же. — (4) Мат. XXIII. 15.

Въ общественномъ быту молоканская секта самая вредная. Такъ какъ коренное положеніе молоканско-павликіанской секты—*братство во христь* (5), то молокане общественныхъ должностей не несутъ, обращаются съ христіанами грубо, надмѣнно и высокоумѣрно, почитая всѣхъ недостойными ихъ вниманія; бывъ отданы, по очереди, въ военную службу, въ полкахъ никогда не служатъ. При первой возможности оставляютъ ряды защитниковъ Отечества; пробравшись въ поселенія молоканъ, находящихся въ другихъ губерніяхъ, особенно въ Таврической области на молочныхъ водахъ, водворяются между ними навсегда. Отыскать дезертировъ—молоканъ совершенно невозможно: потому что они перемѣняютъ свои имена и фамилію. Дѣланіе фальшивой монеты, укрывательство бѣглыхъ, поощреніе къ бунтамъ—все это у нихъ не считается грѣхомъ. По отзыву безпристрастныхъ Тамбовскихъ юристовъ, рѣдко встрѣтится криминальное дѣло, въ которомъ бы не былъ участникомъ молоканинъ, если не дѣломъ, то своимъ совѣтомъ. Еще одна замѣчательная черта молоканъ: — молоканинъ никогда христіанину, а особенно Правительству не откроетъ тайнъ своей секты, даже и тогда, когда бы онъ съ истиннымъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ обратился къ православной Церкви. Чѣмъ объяснить такую скрытность въ молоканинъ?—Вѣроятно 12 смертоносныхъ ангеловъ мужиковъ, установленныхъ сумазбродомъ Побирохинымъ въ селѣ Горьломъ, еще между молоканами Тамбовской губерніи не перевелись...

(5) Кол. 1. 2.

СЕКТА СКОПЦОВЪ-ПАВЛИКІАНЪ.

Въ одно время съ духоборцами появились въ Тамбовской губерніи скопцы. Въ рукописной Тамбовской лѣтописи сказано: «1775 г. проявился толкователь въ селѣ Сосновкѣ діаконъ Семень Алексѣевъ, называемый по ереси *холощенцемъ*. Всѣхъ оныхъ сослали въ ссылку.» — Какъ велико было число скопцовъ, открытыхъ въ селѣ Сосновкѣ съ діакonomъ Семеномъ Алексѣевымъ, — неизвѣстно, а подлиннаго дѣла въ архивахъ тамбовскихъ присутственныхъ мѣстъ отыскать совершенно нельзя. —

Въ чемъ первоначально состояло ученіе скопцовъ, — въ томъ ли только, что они, превратно понимая слова Спасителя, звѣрски отсѣкали извѣстные члены тѣла, подъ предлогомъ храненія чистоты, но со всею строгостію сохраняли чистоту вѣры христіанской; или къ сумазбродству скопчества примѣшивали смрадъ еретическихъ суемудрій, неизвѣстно. — Св. Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи XIX главы евангелія Матѳея и V посланія Ап. Павла къ Галатамъ со всею пастырскою ревностію и негодованіемъ поноситъ и опровергаетъ только варварскій обычай скопцовъ и доказываетъ, что этотъ бычай перешелъ отъ язычниковъ, и что онъ богопротивенъ: но во все не намекаетъ на ихъ отступленіе отъ правилъ христіанской вѣры. По сему надобно полагать, что въ его время скопцы были православны. Иначе онъ не преминулъ бы упрекнуть и обличить ихъ. —

Въ настоящее время скопцы не то, чѣмъ были во времена Златоуста. Ученіе христіанской вѣры ими совершенно искажено и смѣшано съ натуральнымъ мистицизмомъ. Понятіе о Богѣ и вѣрѣ въ Него у нихъ точно такое, какое у духоборцевъ, молоканъ, павликянъ и другихъ еретиковъ. По

ихъ тайному ученію «въ началѣ Богъ Отецъ, Единый, нераздѣльный. Онъ сотворилъ міръ и являет- ся, какъ Сынь, во Христѣ, который одинъ только исполненъ благодати и проникнутъ Божествомъ, но не есть Богъ. Какъ Духъ Святой, открывается въ истинныхъ своихъ дѣтяхъ—скопцахъ. Христось никогда не умиралъ; но страстуетъ въ разныхъ видахъ и скрывается до времени. Онъ нѣкогда явится на судъ и тогда настанетъ царство скопцовъ.»—(1)

Къ такому превратному понятію о Трїединомъ Богѣ и христіанской вѣрѣ, скѣпцы, кромѣ варварскаго искаженія себя, присоединили круговыя пляски, съ мѣрнымъ притопываніемъ, въ своихъ собраніяхъ около кадки съ водою, схожее съ круговыми плясками *магометанскихъ дервишей*, (2) *братьевъ и сестеръ свободнаго духа*, еретиковъ XIV. в.; усиленное бѣганье по комнатамъ, или по двору до упада—завѣрая, что во время изступленій, отъ круговыхъ плясокъ и бѣганья происходящихъ, открываются имъ разныя тайны.

Въ началѣ XIX ст. снова появились скопцы. На докладѣ о скопцахъ отъ Государя Императора послѣдовала слѣдующая резолюція: «находя, что, по наказаніи скопцовъ, оставить ихъ въ мѣстѣ жительства, —соблазнъ, отъ людей сихъ происходящій, не прекратится, и что, напротивъ, примѣръ можетъ вовлечь и другихъ въ заблужденіе, повелѣваю 1, всѣхъ скопцовъ, согласно объявленному прежде повелѣнію, отдать въ военную службу, зачтя селеніямъ и помѣщикамъ за рекрутъ; 2, въ случаѣ открытія впродъ скопцовъ, дѣйствительно себя

(1) Цер. Ист. Пр. Фил. Харьк. 5 ч. стр. 89.

(2) Цер. Ист. Пр. Пис. 2 т. стр. 551.

оскопившихъ, поступать съ ними на семь же селованіи. (1)

Но ссылкою и отдачею въ военную службу Тамбовское правительство не истребило совершенно скопцовъ. Сосланы и отданы въ военную службу только тѣ скопцы, кои слѣдствіемъ открыты, а много ихъ осталось неоткрытыми. Секта эта изъ села Сосновки распространилась по нѣкоторымъ селамъ моршанкаго уѣзда, перешла въ городъ Моршю, появилась въ Тамбовѣ. Много этихъ сектантовъ въ настоящее время въ Тамбовѣ, Моршѣ, Борисоглѣбскѣ, Усмани и по другимъ мѣстамъ.

Скопцы узнаютъ другъ друга по словамъ: *радыти крестное и корабельное* (2). Но, вѣроятно, они не замѣчаютъ, что природа за свое искаженіе жестоко мститъ имъ. Скопцы во всѣхъ движеніяхъ, особенно въ походкѣ, вялы, лица ихъ обвисли и блѣдны, какъ у больныхъ водянкой; волосъ на бородѣ не растетъ, мяса и горячихъ напитковъ совершенно не употребляютъ и употреблять не могутъ: не потому, чтобы правила ихъ секты и произвольный обѣтъ того требовали, и не для спасенія души, но потому что мясная пища и горячіе напитки имъ ядъ. И та, и другіе доводятъ ихъ до наступленія. Описанными признаками природа такъ клеймитъ скопцовъ, что, съ перваго взгляда, каждаго изъ нихъ узнать можно, хотя бы онъ находился въ огромной толпѣ народа и—рѣдко можно ошибиться.

Впрочемъ скопцы, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, не чужды плотскаго грѣха. Кромѣ достовѣрныхъ слуховъ, это доказательно и тѣмъ, что

(1) Ук. Св. Спц, Пресов. Феод. отъ 13 Мая 1807 г. № 1943.

(2) Цер. Ист. ср. Фил. Харьк. 5 пер. стр. 88.

осконившіеся женятся, или держать въ своихъ домахъ, не одну, но по двѣ, а иногда и болѣе женщинъ односектантокъ. Конечно это дѣлается не для плотской чистоты, но вовсе съ другою цѣлю. Скопчество плоти не спасаетъ отъ похоти плоти. А что бываетъ въ ихъ тайныхъ собраніяхъ, по окончаніи круговыхъ плясокъ,—объ этомъ знаютъ только скопцы — дѣвственники, а христіанамъ объ этомъ *нелзя есть глаголати*.

Къ чести скопцовъ надобно сказать, что они, какъ и раскольники армянствующіе, посѣщаютъ храмы и молятся въ нихъ невидимо присущему Господу Богу, съ видимымъ смиреніемъ и усердіемъ. Конечно, быть можетъ, это видимое смиреніе и усердіе происходитъ отъ нечистыхъ побужденій внутреннихъ: но *тайная судитъ Богъ* (Рим. 11, 16), а не люди. По крайней—мѣрѣ смиреніе къ молитвѣ скопцовъ во храмѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить соблазномъ для христіанъ; а напротивъ явнымъ укоромъ для тѣхъ изъ нихъ, кои рѣдко посѣщаютъ общественное богослуженіе и во храмахъ стоятъ хуже еретиковъ, занимаясь, не молитвою, а во все ненужными разговорами, разузнаніемъ новостей, смѣхотворствомъ и пересудами предстоящихъ.

Протоіерей Стефанъ Березнеговскій.

Р Ъ Ч Ъ

ПО СЛУЧАЮ ОБНАРОДОВАНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

ЗЕМСКОМЪ СБОРЪ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Хочу вамъ сказать, братіе, благу ю вѣсть, уже нѣкоторымъ изъ васъ извѣстную; благою эту вѣсть называю потому, что ею возвѣщается обществу большое благо...

Вы слышали, или читали, что у нашего благочестивѣйшаго Монарха, *сердце* котораго *въ руцѣ Божіей*, родилась благая мысль—предоставить всѣмъ обществамъ и нашему дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію и согласію въ управленіи своею собственностію, и эта мысль 1 го Января нынѣшняго года подписана рукою Его — Царя освободителя,—Господу Богу помогающе. Дѣло такого рода: бывало нужно вамъ что нибудь устроить полезное въ обществѣ, — вы относились о томъ къ начальству, дѣло шло иногда долго, отъ чего случалось и самое дѣло разстроивалось; теперь вы сами — въ своемъ обществѣ все будете рѣшать, что относится — «до хозяйственныхъ дѣлъ и пользы;» нужно напр. вамъ тотъ большой мостъ перестроить или поправить,—вы и поправляйте обществомъ,—никто отъ васъ не потребуе ть отчета; много или мало вы употребите, за смѣтою на сторону вамъ посылать ужъ не нужно будетъ; только-бы мостъ былъ исправенъ. Скажу вамъ коротко: вы будете интересъ свой соблюдать сами, распорядиться своими домашними дѣлами. Смотрите, други мои, васъ сочли умными,—постарайтесь же оправдать надежду на васъ нашего Монарха. — *Сердце царево въ руцѣ Божіей*, слѣдовательно чрезъ него самъ Го-

сподь призываетъ васъ къ разумному управленію своею собственностію: не посрамитесь предъ Господомъ,—идите къ Славѣ Его.—

Впрочемъ я считаю неизлишнимъ вмѣстѣ съ вами подойти поближе къ самимъ себѣ—и справиться, готовы ли мы съ вами къ тѣмъ новымъ подвигамъ, которые должны понести при введеніи новыхъ положеній? На это кто скажетъ: готовы ли не готовы, должны понести.. Однако подумаемъ, что нужно, чтобы благая мысль Монарха принесла вамъ сущее благо?—Съ этого мѣста, во славу имени Божія, я скажу вамъ мою мысль, мое убѣжденіе,— что нужно съ вашей стороны къ столь великому и полезному преобразованію.

1) Нужно, чтобъ въ обществѣ было побольше людей, понимающихъ дѣло, какъ слѣдуетъ его понимать.

2) Чтобъ на мірскомъ собраніи ни одинъ членъ не вопіялъ бы кстати и не кстати, — иначе: чтобы каждый вдумывался въ дѣло и подавалъ голосъ свой, благоразумно—толково.

3) А главное — чтобы члены общества имѣли довѣріе одинъ къ другому, иначе:—крѣпче любили бы другъ друга. Вотъ, по нашему понятію, основаніе на которомъ должно построиться благо общества, при новыхъ учрежденіяхъ для общественнаго благоустройства. Посмотримъ, есть ли въ насъ эти условія.. Если есть, — то благо обществу нашему, если же нѣтъ, то подготовимся, пока положеніе войдетъ въ дѣйствіе.—

1) Мы сказали: нужно, чтобы въ обществѣ было побольше людей понимающихъ дѣло, какъ слѣдуетъ его понимать. Это вѣдь непременно такъ, и вы сами безъ сомнѣнія тоже скажете, и безъ сомнѣнія стремитесь къ тому, чтобъ умѣть дѣло дѣлать, а для этого—понимать его. И что же? наше

общество въ самомъ дѣлѣ не лишено хорошихъ — дѣловыхъ людей; въ нашемъ обществѣ есть стремленіе и къ просвѣщенію; есть у насъ школы, въ которыхъ обучаются мальчики и дѣвочки разныхъ сословій; есть дѣти, которые очень хорошо идутъ по наукамъ, и потому можно надѣяться, что эти дѣти, возросши будутъ умѣть дѣло понимать, какъ слѣдуетъ, будутъ людьми вполне соответствующими современному развитію правъ гражданства... Но вѣдь и то будетъ правда, братіе, если я скажу, что мало у насъ обучается дѣтей. Въ нынѣшнемъ году у насъ въ уѣздномъ училищѣ въ трехъ классахъ 55 мальчиковъ, изъ нихъ только 11-ть городского общества (разумію купеческое и мѣщанское званіе); изъ 11 — одинъ только въ 5-мъ классѣ. Сами можете судить, что на весь городъ одинъ только оканчиваетъ курсъ училища, т. е. одинъ только выдетъ въ нынѣшнемъ году мало мало понимающимъ дѣло... Мало! Какъ хотите судите, а мало! Отъ чего же такъ? Отъ того, что все почти вы довольствовались и довольствуетесь тѣмъ, если дѣти ваши выучатся записать фунтъ, рубль, — кое какъ, — и прочитаютъ мало мальски безъ понятія — и это называется на языкѣ многихъ изъ васъ — «отбучился.» Скажу еще: мальчики мало развитые, подрастая въ домахъ за дѣлами, чисто матеріальными, не могутъ развивать своего ума, — и когда бы еще не отупили его совершенно? Слѣдовательно, оказывается недостатокъ у насъ въ просвѣщеніи, — и потому смотрите, какъ бы не потужить вашимъ дѣтямъ о потерѣ времени?.. Земство требуетъ отъ нихъ сужденія, развитыхъ понятій, а они неразвиты, вотъ и будутъ говорить: что не учили насъ отцы наши!.. Самое время требуетъ того, чтобъ, съ вкорененіемъ вѣры и правилъ благочестія, развивалось и здоровое сужденіе. —

2) Чтобъ на мірскомъ собраніи ни одинъ членъ не вопіялъ кстати и не кстати, иначе: чтобы каждый вдумывался въ дѣло, къ которому призванъ, и подавалъ голосъ свой благоразумно-толково. Известно каждому, что гдѣ дѣло серьезно разбираютъ, гдѣ каждый членъ занять именно тѣмъ, за чѣмъ призванъ, имѣя въ виду одну благую цѣль—послужить на пользу обществу: тамъ всегда порядокъ, и благое начало дѣла имѣетъ благое послѣдствіе. Есть ли же это качество въ вашемъ кружкѣ, въ вашихъ собраніяхъ, — скажите откровенно, съ христіанскимъ сознаніемъ? На обсужденіяхъ общественныхъ не каждый ли ищетъ только своего интереса? Самолюбіе и расчетъ не берутъ ли верхъ? И главное дѣло, для котораго вы собираетесь, — не стоитъ ли часто на второмъ планѣ, а можетъ быть и дальше? Слушаютъ ли у васъ одинъ другихъ? Уважается ли благоразумнѣйшій? Не случается ли такъ, что очевидно незанятые дѣломъ по невниманію къ нему, говорятъ и толкуютъ свое, не обращая никакого вниманія на благоразумныя сужденія людей опытныхъ и благонамѣренныхъ? Этого мало, — не случается ли и то, что другіе являются въ общій сходъ не въ своемъ видѣ и тудаже проповѣдуютъ свои мнѣнія, сбивчивыя отъ слабости головы и языка (*). А вѣдь это все бываетъ не во спѣ, а на яву, въ вашихъ глазахъ. При такомъ невниманіи къ порядку и благочинію не будетъ добра—хотя издай 1000 законовъ самыхъ святыхъ. Отсюда открывается, что мало у насъ порядка, а мало порядка отъ того, что мало стремленія къ общему благу.

3) Главное, пужно, чтобы члены общества имѣли довѣріе одинъ къ другому, иначе: чтобы крѣп-

(*) Въ послѣднемъ собраніи, передано мнѣ, это было.

че любили другъ друга. Конечно, благодареніе Богу, въ этомъ отношеніи кажется наше общество отличается миромъ и спокойствіемъ, мы не видимъ и не слышимъ между членами общества дѣлъ ссорныхъ... но однако заглянемъ же въ свою совѣсть, совершенно ли она чиста въ этомъ отношеніи? Если нѣтъ раздора гласнаго, — то есть ли духъ мира? Большая разница между миромъ и духомъ мира; можно казаться смиреннымъ — кроткимъ, но не имѣть духа смиренія и кротости, можно казаться молящимся, но не имѣть въ тоже время духа молитвы; такъ и въ обществѣ.—мало одного наружнаго мира и согласія, надобенъ духъ мира и согласія, т. е. потребно единодушное стремленіе къ благу общественному. Чтобъ разъяснить наше отношеніе къ обществу т. е. къ членамъ его,—возьмемъ въ разсмотрѣніе слова Апостола Павла о любви христіанской. Вотъ признаки любви: *любы долго терпитъ, милосердствуетъ; любви не завидитъ; любви не превозносится, не гордится, ни безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла; не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ; вся любитъ, всему вѣру еметъ, вся уповаеетъ; любви николиже отпадаетъ* (1 Корин. 13, 48). Посмотримъ же теперь въ самомъ дѣлѣ на себя самихъ и вниманемъ, есть ли въ насъ эти признаки истинной любви христіанской? Любовь христіанская *томо терпитъ*: а мы нетерпѣливы крайне; любовь — *милосердствуетъ*: а мы жестокосерды бываемъ; любовь — *не завидуетъ*: а намъ все больно бываетъ, когда ближній нашъ сосѣдъ чѣмъ—либо превосходитъ насъ; любовь — *не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ*: а мы уничижаемъ другихъ, возвышая себя, и мало ли чего беззаконнаго не творимъ; любовь — *не ищетъ своихъ си, не раз-*

дражжася, не мыслитъ зла: а мы все больше о себѣ заботимся, себя на видъ выставляемъ, а сосѣдей и не замѣчаемъ, и скоро огорчаемся, когда дѣлаютъ не по нашему и случается, — мыслимъ злое въ душѣ своей, совершенно равнодушны къ благу ближняго своего. Любовь — не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: а мы часто смѣемся чужой бѣдѣ и весело смотримъ на живущихъ неправдою; а когда человѣкъ поступаетъ правдиво, истинно, — тому не сочувствуемъ. Любовь — все любитъ, всему въру еметъ, вся уповаетъ, вся терпитъ: а мы — не любовны, маловѣрны, безнадежны и несносливы. Любовь николиже отпадаетъ:—а мы не тверды въ любви, при малѣйшемъ случаѣ попользоваться на чужой счетъ, на все рѣшаемся съ холоднымъ равнодушіемъ, ради своей корысти давнюю дружбу ставимъ ни во что. Сами отсюда понимаете, что для общаго блага нашего и любовь наша еще не совершенна. Отъ несовершенства любви нашей къ ближнимъ зависитъ разладица въ обществѣ, неправыя мысли, подозрѣнія и всякія нестроенія, отъ которыхъ много много, бываетъ худыхъ послѣдствій.....

Итакъ, други мои, скажу вамъ, что для вкушенія сладости плодовъ отъ благаго устроенія нашего Монарха недостаетъ у насъ любви и науки. Должны вы учить дѣтей своихъ, а главное приучайте ихъ къ христіанской любви; она—поставитъ каждого на свое мѣсто — и будетъ благо всему обществу.—

Протоіерей В. Никольскій.

1864 года Февраля 9-го дня

г. Усмань.

ВЗГЛЯДЪ ХРИСТІАНИНА

И Л

СОСТОЯНІЕ ДУШИ ПО СМЕРТИ ТѢЛА.

*Видимъ нынѣ, якоже зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу (1 Кор. 15, 12): такъ говоритъ Апостоль Павелъ о томъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ. Темна для насъ эта загробная область, — такъ темна и страшна, что, едва смѣлая мысль перескочитъ за рубежъ этой жизни, заглянетъ въ эту замогильную страну, какъ мы невольно закрываемъ глаза, спѣшимъ выбраться изъ замогильнаго мрака въ обычную намъ сферу жизни, съ тяжкимъ вздохомъ повторяя слова Апостола: *не у явится, что будемъ мы въ этомъ загробномъ мірѣ!!* А между тѣмъ, разъ заглянувши въ эту темную область нашего будущаго и только что отиряпувъ отъ нея, устрашенные ея мракомъ, мы снова готовы сдѣлать нашу смѣлую попытку, снова устремляемся мыслию къ этой таинственной области, стараемся приглядѣться къ ея мраку, хотя бы безъ надежды достигнуть цѣли созерцанія. Не похожи ли мы въ этомъ случаѣ на малыхъ дѣтей, которые съ боязливымъ трепетомъ смотрятъ на мрачное дно глубокаго колодезя, или неистово клокочущей бездны, и, не разъ убѣгая страшнаго зрѣлища, скоро однако снова, дружною толпою, бѣгутъ къ предмету, ихъ устранившему?!*

Но не дѣтское любопытство заставляетъ христіанина часто обращаться къ своему будущему за гробомъ. *Помни послѣднія твоя: во вѣки не согрѣтишь*, говоритъ ему Слово Божіе. А еще прежде этого побужденія въ христіанинѣ, какъ чловѣкѣ, живетъ естественная любознательность.

непреодолимое желаніе узнать, что ожидаетъ его по ту сторону жизни. Кто станетъ порицать насъ за эту любознательность, Самимъ Богомъ положенную въ душу человѣка? Мы невольно хотѣли бы прояснить себѣ, сколько возможно, таинственную загадку нашей жизни на землѣ, — напередъ развѣдать о томъ островѣ, къ берегамъ котораго на всѣхъ парусахъ время мчитъ насъ. «Какъ тамъ будетъ намъ? Хорошо или худо? Что это будетъ за состояніе: похожее ли на настоящее, или совсѣмъ отличное отъ него?».. и пр. Всѣ эти вопросы невольно осаждаютъ насъ, съ первыхъ моментовъ разумно-мыслительной нашей жизни.

Толпа возраженій и недоумѣній, встрѣчающихъ эти вопросы, при первомъ заявленіи ихъ въ открытомъ разсужденіи, не можетъ (и не должна) подавить силы этихъ вопросовъ: такъ они настоятельно осаждаютъ нашу душу, въ минуты размышленій о нашемъ будущемъ за гробомъ!.. Однако, чтожъ это за возраженія?—«Можно ли, — позволительно ли, говорить обыкновенно, человѣку пускаться въ столь темныя излѣдованія: безопасно ли будетъ предаваться теченію мыслей о той странѣ и о томъ состояніи, о которыхъ самъ великій Тайнозритель — Павелъ сказалъ: *не у явися, что будетъ?*» За тѣмъ: «нужно ли, — полезно ли для человѣка стараться постигнуть то, что непостижимо, тогда какъ и въ области постигаемаго такъ многое намъ нужно узнать и пережить?!».. Ясное дѣло, что устраненіемъ этихъ возраженій мы должны проложить себѣ путь къ размышленію о загробномъ нашемъ состояніи.

Тѣ, которые боятся одного прикосновенія къ неодолимо-занимающимъ насъ вопросамъ о вѣчности, имѣютъ въ виду — мысль о глубокой таинственности для насъ жизни загробной. Возможно ли, спра-

шиваютъ они, хоть сколько нибудь приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ наше будущее за гробомъ, безъ опасенія впасть въ суемудріе? Не будетъ ли самая попытка эта дерзкимъ посягательствомъ со стороны человѣка на права Судебъ Божіихъ, конечно не безъ намѣренія сокрывшихъ отъ насъ нашу будущность за гробомъ? Сколько уважительна съ одной стороны такая осторожность въ излѣдованіи педовѣдомыхъ человѣку таинъ Божіихъ, столько съ другой стороны—она граничитъ съ безпечностію о нашемъ будущемъ, всегда убійственною для нашей нравственности. Не забывается ли при этой излишней осторожности, что мы христіане, слѣдовательно знаемъ о предстоящей намъ вѣчности гораздо больше, чѣмъ сколько можетъ знать это незаренный свѣтомъ Христова ученія? Если же христіанину дано знать больше о своемъ загробномъ состояніи, чѣмъ сколько зналъ это язычникъ, то христіанинъ безъ опасенія можетъ гадать о предстоящей ему вѣчности, назидая только всѣ свои гаданія на этомъ данномъ. И Св. Апостоль Павелъ,—тотъ, который сказалъ о вѣчности: *не у явися, что будемъ*, вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ намъ первый разительный образецъ прозрѣнія христіанина въ страну вѣчности. Будучи восхищенъ въ рай и слышавъ тамъ неизреченные глаголы, онъ не высказалъ намъ сущности этихъ глаголовъ; но за то ясно и понятно для насъ выразилъ образъ и мѣру христіанскаго вѣдѣнія о странѣ загробной. *«видимъ нынѣ какъ сквозь зеркало гадательно; тогда же лицемъ къ лицу,»* говоритъ онъ. Большая, конечно, разица: видѣть самую вещь, лицемъ къ лицу, — и видѣть только отраженіе ея въ зеркалѣ: но кто не знаетъ, что хорошее зеркало и предметы отражаетъ чисто и ясно, хотя въ главныхъ ихъ очертахъ? И та-

гіе христіане — тайновидцы, каковы св. Апостолъ Павелъ и св. Іоаннъ Богословъ, безъ сомнѣнія созерцали вѣчность, еще отсель, изъ этой жизни, сквозь самое правильное и чистое зеркало. Обладали этимъ яснымъ прозрѣніемъ въ вѣчность и другіе христіанскіе праведники, чѣмъ ясно указали и намъ на возможность если не созерцать, то хотя гадательно размышлять о нашей загробной участи.

Нужно ли, полезно ли дѣлать открытыми эти гаданія и размышленія наши? — спрашиваютъ. Конечно нужно, доколѣ самая большая часть изъ насъ такъ безопасно живетъ, такъ мало помышляетъ о загробной будущности, такъ легкомысленно кружится въ вихрѣ земныхъ заботъ и развлеченій. Конечно нужно, поколику люди міра сего усыпляють себя мыслию, что можно, и должно, нисколько не думать о вѣчности, а спокойно ожидать, что будетъ! Конечно нужно, поколику въ настоящее особенно время составляютъ столь неправильныя понятія о вѣчности, что они прямо погружаютъ человѣка въ безнечность о себѣ. Не будемъ говорить о тѣхъ губельныхъ для человѣческой нравственности взглядахъ древнихъ и новыхъ матеріалистовъ, съ такою силою распространившихся въ послѣднее время, которые рѣшительно отрицають вѣчность, какъ духовность, и безсмертіе души человѣческой. Устрашенные глубокимъ мракомъ нашего будущаго, эти жалкіе мыслители не хотятъ продолженія своей жизни за гробомъ: и часть такихъ не съ христіанами, съ свѣтлою надеждою прозирающими въ вѣчное—будущее! Но не можемъ, съ другой стороны, не замѣтить и въ христіанахъ чего-то, похожаго, при мысли о вѣчности, на опредѣленіе судьбы, что свойственно также невѣрнымъ. Это тупое, безнечное ожиданіе чего-то лучшаго за гробомъ, безъ всякаго дѣятельнаго усилія

съ своей стороны устроить для себя, въ этой жизни, лучшее — будущее. Это безразличный взгляд на добро и зло, — ложная увѣренность, что, такъ называемое, зло само собою уничтожится, съ смертію человѣка, и душа мгновенно преобразится изъ несовершенной въ совершенную, изъ страстной въ безстрастную, безъ всякой, со стороны нашей, воли, единственно по мановенію Божию.

Не правда ли, что всѣ мы болѣе или менѣе, сознательно или безсознательно, держимся этого взгляда и стараемся утѣшить себя имъ въ минуты душевнаго крушенія нашего о загробной участи? «Будь, что будетъ, на все воля Божія,» заканчиваемъ мы свои мимолетныя размышленія о страшной для насъ вѣчности! И въ тоже время, тайно утѣшаемъ себя мыслию, что все дѣло, быть можетъ, окончится хорошо, что благость Божія покроетъ всѣ наши пороки, заглушитъ всѣ разрушительныя наши страсти. Мы ожидаемъ отъ Творца и Искупителя нашего какого-то для себя чуда по смерти, требуемъ избытка Его благости къ намъ, забывая о Его неумытномъ правосудіи: отсюда и живемъ безпечно, всего ожидая отъ Бога и ничего не предпринимая для себя самихъ.—Нужно разрушить въ себѣ это предубѣжденіе, столь гибельное для нашего будущаго за гробомъ; нужно поселить и укрѣпить въ себѣ увѣренность, что вся будущность наша по ту сторону гроба стоитъ въ тѣснѣйшей, самой неразрывной связи съ настоящимъ, изъ котораго первая выражается, какъ изъ сѣмени. И вѣра Христова, принесенная на землю Сыномъ Божиимъ, имѣетъ своимъ конечнымъ назначеніемъ—воспитать человѣка для будущаго Царства Божія, породить въ немъ способность и пріемлемость къ этому Божественному Царству, потребивъ въ немъ все чуждое этого духовнаго Царства,—все что мо-

жетъ сдѣлать насъ неспособными къ вѣчному блаженству, отверженными отъ свѣта лица Божія. — Такимъ образомъ не обольщаться тайнымъ ожиданіемъ, ложною надеждою, что по смерти дѣло объ насъ само собою кончится хорошо, — по крайней мѣрѣ лучше, чѣмъ какъ проповѣдуютъ нынѣ намъ любящіе все увеличивать Христіанскіе учителя, — (*) не утѣшать себя ложно этою нелѣпою мечтою свойственно христіанину: а готовить изъ себя будущаго члена Царства Божія на небѣ, захватывая себѣ по пути этой жизни все, достойное вѣчности, годное для вѣчнаго сбереженія.

Сказаннымъ доселѣ проложивъ себѣ путь къ размышленію о загробной будущности, мы вмѣстѣ указали и точку зрѣнія на предметъ нашего размышленія. Не полную картину загробной участи человѣка мы хотимъ предложить читателю; не изображеніе страшныхъ мытарствъ, не послѣдній судъ, не блаженства праведниковъ и мученія грѣшниковъ будутъ предметами нашей рѣчи: все это съ поразительною ясностію изображено въ словѣ Божіемъ. Предметъ и цѣль нашей рѣчи выяснитъ тѣсное соотношеніе, или то сходство и различіе, какое должно существовать между настоящею и будущею, загробною жизнію души человѣка, до послѣдняго суда надъ нею. Иначе: въ духъ Богооткровеннаго христіанскаго ученія, но болѣе путемъ здраваго смысла и аналогическихъ наблюденій надъ состояніями души въ этой жизни, мы дѣлаемъ попытку дойти до убѣжденія, что ни отторженіемъ души отъ тѣла, ни жизнію ея за гробомъ до страшнаго суда надъ нею, въ ней ничего не измѣнится ни къ лучшему, ни къ худшему, что пріобрѣла она въ этой жизни; хотя, съ другой стороны, обнаженный отъ тѣле-

(*) Мысль, — не разъ слышанная нами изъ устъ разумныхъ вѣка сего.

ности взоръ ея, увидить въ другой жизни многое такое, чего она не хотѣла или не могла ясно видѣть въ этой жизни. Основаніемъ и точкою отправленія къ этимъ размышленіямъ служатъ для насъ вышеприведенныя слова св. Апостола Павла о гадательномъ созерцаніи нашего будущаго за гробомъ. Если, по Апостолу, мы и *нынѣ видимъ*, хотя какбы въ зеркалѣ, гадательно, что будетъ съ нами по ту сторону гроба, то значить еще въ этой жизни есть данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ, хотя не ясно, но рѣшительно заключать къ неданному будущему. Съ другой стороны: если *нынѣ видимъ* мы только гадательно, какъ сквозь зеркало, *тогда же лицемъ къ лицу*; то ясно, что мы увидимъ тогда многое, о чемъ едва гадали, или гадали не ясно, судили нерѣшительно. Что же касается до избраннаго нами пути изслѣдованія (здраваго смысла и аналогіи), то, сближаемый по мѣстамъ съ Богооткровеннымъ ученіемъ, онъ, безъ сомнѣнія живѣе коснется убѣжденія христіанъ, водящихся въ жизни болѣе духомъ міра, чѣмъ духомъ Христовымъ.

Что такое смерть? Постараемся отвѣтить на это сквозь зеркало гаданій, или путемъ опытныхъ явленій, имѣющихъ сходство съ нашимъ умираніемъ, которыя бы, слѣдовательно въ состояніи были прояснить намъ этотъ устрашающій насъ моментъ бытія. Чтожъ такое смерть,—что происходитъ съ нами при умираніи? Представимъ себѣ какую либо (напр. часовую) машину, въ которой бы обиталъ духъ,—живое существо, управляющее ею, т. е. приводящее ея механизмъ въ движеніи. Машина повредилась, внутренній механизмъ ея разстроился такъ, что духъ болѣе не можетъ обитать въ ней: тогда машина должна остановиться и разложиться на свои части, а духъ, въ ней обитающій, долженъ выдти изъ нея, поколику она болѣе негодна къ дѣйствию.

— Не то жели бываетъ и съ нами въ смерти? Смерть есть не иное что, какъ остановка, распаденіе, послѣдняя степень негодности нашего тѣла къ выраженію дѣйствій обитающаго въ немъ духа? Умершій представляетъ въ себѣ остановившуюся машину, изъ которой жизнь отлетѣла, и которую природа приѣмлетъ теперь въ свое распоряженіе (*), разлагаетъ ее на составныя части, чтобы воспользоваться ими для новыхъ твореній. А духъ? Онъ отлетаетъ тоже въ сродную себѣ сферу — въ міръ духовный. И исполняются слова Писанія: *персть возвращается въ землю, якоже бгъ, и духъ къ Богу, Иже даде его* (Еккл. 12, 7). Что это аналогически — составленное понятіе о смерти, выводящей духъ нашъ изъ тѣла, не есть произвольное мудрованіе, за это ручается свидѣтельство слова Божія. Въ св. Писаніи смерть человѣка называется различными именами, которыя все однако, подтверждаютъ истинность представленнаго нами понятія. Смерть человѣка называется *изведеніемъ души изъ темницы* (Псал. 141, 3), *исходомъ души изъ тѣла* (Лук. 9, 51. 1 Петр. 1, 13), *разрѣшеніемъ ея отъ узъ тѣла* (Фил. 1, 25), *отшествіемъ души* (2 Тим. 4, 6) и т. п.

Спрашиваемъ теперь: смерть, понимаемая такимъ образомъ, изводя душу изъ тѣла, что можетъ особеннаго сдѣлать для первой? Видопзмѣняетъ ли она ее къ лучшему или худшему? Очевидно, она ничего не даетъ душѣ, и ничего не отнимаетъ у нея. Что принадлежало душѣ въ этой жизни, по ея существу и направленію: тотъ или другой ея характеръ, то или другое направленіе ея мыслей, чувствованій и желаній, ея привязанности, привычки и т. п., — все это остается у души и за гробомъ, какъ ея собственность, или какъ

(*) До времени общаго воскресенія тѣлъ.

пмущество, пріобрѣтенное ею въ жизни съ тѣломъ. Такъ, а не иначе мы должны представлять душу, разлученную съ тѣломъ; иначе бытіе ея послѣ тѣла будетъ безличное, неизмѣняющее определенной фнзіогноміи, слѣдовательно собственно говоря, не бытіе. Такъ, а не иначе, поэтому, мы должны представлять и смерть, т. е. отторгающую только духъ отъ тѣла, но ничего не видоизмѣняющую въ духѣ.

Попытаемся прояснить для себя эту мысль путемъ опытной аналогіи. Не то ли дѣлаетъ съ нами смерть, по отношенію къ жизни и сознанію души, что приблизительно испытываю я каждую ночь, когда погашаю огонь? Въ темную ночь и не смыкая глазъ, я дѣлаюсь слѣпъ, я ничего не вижу и не слышу: кругомъ меня все тихо, какъ въ могилѣ, я сознаю только, что я существую, и сознавая себя оставленнымъ, отдѣленнымъ отъ всего живаго, я тѣмъ не менѣе помню себя, какъ себя, какъ особенное лице, отличное отъ другихъ собѣ подобныхъ, имѣющее особенный характеръ, извѣстное направленіе и проч. и проч. Хотите ли видѣть близкое подобіе самаго момента страшной для насъ смерти,—этого удара, послѣ котораго тѣло уже не оправляется и духъ исходитъ изъ тѣла: ловите для этого извѣстные моменты нашей жизни, какіе бываютъ напримѣръ въ полусоніи, временномъ оцѣпенѣніи, или обморокѣ. Бывали ли вы въ такомъ оцѣпеняющемъ васъ полусоніи или обморокѣ, когда вы хотѣли бы открыть глаза, но не можете, хотѣли бы осязать, вообще двигать членами, но не можете. Единственное тогда у васъ сознаніе, что вы существуете, живете; но гдѣ вы? Что, въ видѣ тѣней, пробѣгаетъ близъ васъ? — Этого не постигаетъ темная, перепутанная мысль ваша. Таковъ ударъ смерти, поражающій тѣло, останавливающій эту движущуюся машину, расторгающій

механизмъ ея, но не уничтожающей самосознанія, самочувствія, стремленія къ самодѣтельности въ душѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что это только слабое, неточное очертаніе момента смерти, какое мы представили въ высказанномъ явленіи обморока. Ударъ смерти, безъ сомнѣнія, привноситъ въ душу чело-вѣка болѣе страха, болѣе притрепетнаго ужаса, чѣмъ временный *обморокъ*. Поэтому не даромъ Апостолъ называетъ послѣдній день жизни чело-вѣка *пагубою*, внезапно насъ постигающею (1 Сол. 5, 5), а св. Григорій Нисскій часть кончины называетъ «переворотомъ, подобно бурѣ» (*). Но, при всемъ томъ, внезапно поражающей чело-вѣка обмо-рокъ весьма много объясняетъ состояніе души нашей, въ моментъ нашего тѣлеснаго умирания. Душа въ первомъ случаѣ, какъ и въ послѣднемъ, бываетъ притрепетна, какъ бы сдвлена огромною тяжестію; влѣдствіе чего и сознаніе, ею сохраняемое, бываетъ какъ бы потемнено, мысли перепутываются, сердце страдаетъ, все существо ея въ смятеніи!....

Но кончается страшный ударъ смерти. Посмотримъ сквозь зеркало подобій на душу, послѣ этого страшнаго переворота съ нею. Что этотъ переворотъ, — переначилъ ли, видоизмѣнилъ ли душу къ лучшему или худшему?—Послѣ оцѣняющаго сна или обморока, рано или поздно, бываетъ пробужденіе съ нами. Такое же пробужденіе должно быть и съ нашею душею послѣ удара смерти, или лучше: это собственно не пробужденіе, а проясненіе сдвленнаго, потемненнаго сознанія души. Едва кончился ударъ смерти, какъ душа наша должна воспрянуть, постараться выдти, исторгнуть-

(*) Беседа къ прих. крещ. Тв. Св. О. Т. VIII, 241.

ся изъ того тягостнаго, смятеннаго состоянія, въ какое она поставлена была этимъ ударомъ, поразившимъ ее тѣлесную храмину. — Случалось ли вамъ послѣ обыкновеннаго, но глубокаго сна, особенно если сонъ этотъ сковалъ васъ послѣ тяжелыхъ трудовъ, сильныхъ болѣзненныхъ ощущеній и т. п.,—случалось ли вамъ, открывая глаза, не узнавать съ перваго раза: что и гдѣ вы? что случилось съ вами? какъ могли попасть въ то или другое мѣсто? и проч. И потомъ уже вы постепенно припоминаете нить приключеній, предшествовавшихъ этому глубокому сну. Вы долго тогда не можете опомниться, или, какъ говорятъ, *прийти въ себя*. Только дневной свѣтъ, радость дѣйствующей на душу, только знакомая обстановка, родственныя, знакомыя лица мало по малу приводятъ васъ въ ясное сознаніе всего предыдущаго и послѣдующаго. Но это смѣшенное состояніе полусознанія, недостатокъ ясной осмысленности долѣе продолжается, если открытый взоръ вашъ встрѣчаетъ новую, совсѣмъ не вашу обычную, обстановку, новыя лица и вещи.—Изумленіе новой, необычайной обстановкѣ, пораженіе новыми, невиданными предметами будетъ, безъ сомнѣнія, первымъ состояніемъ или ощущеніемъ и нашего духа, разлученнаго съ тѣломъ,—первымъ моментомъ его жизни безъ тѣла, въ новой сферѣ его объявшею. «Гдѣ я? Что со мною? Что это за область не похожая на обычную земную жизнь? Какъ занесена я сюда?»—Таковы, или подобныя имъ, будутъ вопросы проясняющагося сознанія души, сдавленной ударомъ смерти, по расторженіи ее съ тѣломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изумленіе это скоро должно перейти у однихъ въ чувство радости или восхищенія, у другихъ въ чувство страха и оцѣненія; но это еще не есть, такъ сказать, нравственное, изъ яснаго соз-

наія, вытекающее, съ внутреннею увѣренностію сопряженное, увеселеніе или устрашеніе. Это еще темное сознаніе или самочувствіе, или лучше предчувствіе будущихъ радостей или скорбей. Состояніе устрашенія легко себѣ выяснитъ изъ состоянія, въ какомъ бываетъ схваченный среди глубокаго сна и брошенный въ темницу узникъ. Будучи впервые и такъ внезапно отторгнутъ отъ свѣта, людей, онъ ничего не видитъ и не слышитъ: кромѣ самосознанія или самочувствія, соединеннаго съ предчувствіемъ чего-то страшнаго, или лучше, кромѣ тягостнаго, сдавливающаго душу изумленія, ничто не шевелится въ душѣ его. Но это изумленіе, это чувство давящаго насъ ужаса, не есть собственно нравственное изумленіе. Это не есть еще раскаяніе, — смиряющее, повергающее душу въ прахъ, пламенемъ проходящее, растопляющее, очищающее душу раскаяніе; это есть оцѣпенѣніе, или пестовое изступленіе, съ скрежетомъ зубовъ соединенное, нѣчто каменно-жесткое, въ отчаяніе повергающее, нѣчто удушающее и раздражающее душу, коея первымъ лихорадочнымъ порывомъ бываетъ мысль вырваться изъ этого состоянія, — бѣжать изъ темницы. Равнымъ образомъ, и состояніе увеселенія духа, тотчасъ по отрѣшеніи его отъ тѣла, можно сравнить тоже съ состояніемъ узника, внезапно арестованнаго безъ всякой со стороны его вины, либо съ цѣлю предохранить его отъ угрожающей ему опасности. Внезапный арестъ не могъ не произвести нѣкотораго рода смятенія въ душѣ арестованнаго; что-то грозное, устрашающее произошло надъ главою и этого узника въ его внезапномъ арестѣ, а новая обстановка его новаго жилища еще увеличила это смятеніе: по темница такого узника свѣтла, сквозь отворенное окно ея для него свѣтитъ лучъ свободы, —

и какой свободы?!.. Такимъ образомъ, притрепетно должно быть состояніе и души праведника, отрѣшившейся отъ тѣла и перенесенной въ другую сферу; но съ этимъ внутреннимъ трепетомъ въ ней соединяется радостное предчувствіе, и возрастаетъ желаніе со Христомъ быти! Да не обличать насъ за представленное выше изображеніе души, разлученной съ тѣломъ, въ разнорѣчій съ положительнымъ ученіемъ слова Божія и церкви. По ученію св. церкви, тотчасъ за разлученіемъ души отъ тѣла, первая проходитъ «воздушныя мытарства, гдѣ бываетъ судъ Божій кадь нею, называемый частнымъ.» Мы опускаемъ это историческое изображеніе, такъ сказать, внѣшней судьбы души человѣческой, потому что имѣемъ въ виду слѣдить за ея внутреннимъ состояніемъ, сообразно высказанной нами выше цѣли размышленія, притомъ держась болѣе пути естественнаго разумѣнія и аналогій. Поэтому изъ храмы тѣла мы непосредственно переносимъ душу, въ ней обитавшую, въ другую, духовную сферу жизни, не задерживаясь на пути исторически—данними мытарствами. Между тѣмъ, кому неизвѣстно, что и страшныя для души мытарства, производя въ ней притрепетное смятеніе, собственно не измѣняютъ ея сущности и направленія: иначе эти мытарства были бы чистилищемъ для души. «Узрѣвъ (ангеловъ злыхъ на мытарствахъ) изображаетъ св. церковь, душа возмутится, содрогнется, вострещетъ и въ смятеніи и въ ужасѣ будетъ искать себѣ защиты у Ангеловъ Божіихъ.» (*) Мы изобразили этотъ же трепетъ въ аналогіи узника, внезапно схваченнаго и заключеннаго въ темницу, опускаая историческое ученіе церкви о прохожденіи душею воздушныхъ мы-

(*) О выходѣ души св. Кир. Александ; въ Слѣдов. Псалт.

тарствъ и не касаясь частнаго суда Божія надъ нею. Довольно того, что мытарства и судъ Божій надъ душею не измѣняютъ души, касательно ея свойства и направленія, и она приходитъ до мѣста своего водворенія такою же, какою вышла изъ храмы тѣлесной, а эта главная задача нашего размышленія о душѣ. (*)

Но продолжимъ наше размышленіе. Вотъ душа водворяется въ опредѣленномъ, такъ сказать, мѣстѣ, въ мірѣ духовномъ. Она занимаетъ мѣсто, по ученію Божественнаго откровенія, сообразное ея заслугамъ, и будетъ жить здѣсь, доколѣ страшная труба Архангела не воззоветъ ее къ окончательному рѣшенію ея участи.

Чтожь, спрашиваемъ мы, эта новая область, куда перенесется душа по разлученіи съ тѣломъ, въ состояніи ли измѣнить существо души, ея направленіе, склонности и привычки,—въ состояніи ли сгладить ея пороки и страсти, или потемнить сіяніе ея добродѣтелей? Нѣтъ. Какъ злодѣй чрезъ темничное заключеніе, внезапно его постигающее, не только не дѣлается лучшимъ, но какъ бы еще болѣе окаменяется въ чувствахъ, ожесточается; такъ и душа, чрезъ свое переселеніе въ другой міръ, не сдѣлается другимъ духомъ. Какъ упало дерево, такъ и лежитъ: и духъ человѣка, какимъ отторгнутъ отъ тѣла, такимъ и пребудетъ для вѣчной жизни. Какъ сонъ или обморокъ ничего не перемѣнитъ въ душѣ, такъ ничего не перемѣнитъ въ ней и смерть. Только ея міръ, ея область, равно какъ и органы

(*) Сообразно также духу и цѣли размышленія, мы не называемъ этого мѣста, такъ какъ и въ св. писаніи мѣсто это для душъ, до окончательнаго надъ ними суда, называется различными именами (См. Прав. Догм. Бог. Еп. Макарія т. II стр. 414). Мы при свѣтѣ Божественнаго откровенія, называемъ вообще эту область духовнымъ царствомъ, въ противоположность нашему матеріальному міру.

ея дѣйствованія въ этомъ мірѣ, безъ сомнѣнія будутъ иныя; сама же она останется такою, какъ была. Она удерживаетъ все, чѣмъ обладала въ этой жизни, что пріобрѣла путемъ заботливости, или правдивнаго нерадѣнія о себѣ, путемъ труда или лѣности. Также степень разумности, памяти и воспоминанія, тѣже понятія о религiи, также любовь или вражда къ Богу, Иисусу Христу, также радость о Богѣ или холодность къ Нему, — все это неизмѣнно сохранится въ душѣ и по ту сторону жизни: смерть ничего не перемѣнитъ въ насъ (*).

Да и какая сила могла бы измѣнить, перетворить душу, разлученную отъ тѣла, если смерть, какъ мы показали, не въ состояніи измѣнить ее? Укажутъ ли ожидающіе всего лучшаго отъ смерти — на отрѣшеніе души отъ грубаго тѣла? Не ожидаютъ ли таковыя, что съ отрѣшеніемъ отъ тѣла, душа отрѣшится и отъ своихъ грѣховныхъ привычекъ, — этихъ плотскихъ наростовъ, вслѣдствіе которыхъ и сама она въ этой жизни дѣлается плотяною, какъ бы оземляется, грубѣетъ, перестаетъ быть существомъ чисто духовнымъ? Но эти надежды на какое-то чудодѣйственное одухотвореніе грѣшной души, погруженной здѣсь въ земное, не имѣютъ и шаткаго подкрѣпленія. Очевидно, чтобы имѣть основательныя надежды на это перерожденіе души, по отрѣшеніи ея отъ тѣла, нужно доказать, что всѣ наши, такъ называемыя, плотскія страсти, всѣ земныя привычки, суть только наросты собственно тѣла, а душа причастна имъ только, поколику она въ тѣлѣ. Иначе: нужно доказать, что и въ самомъ порочномъ человѣкѣ

(*) По ученію св. церкви, безкровная жертва и вообще молитвы за умершихъ измѣняютъ къ лучшему загробную участь вѣрующей души; сама же она не въ состояніи сдѣлать для себя что либо лучшее.

собственно душа такъ же чиста и свята, какъ и въ праведникѣ, а порочно въ немъ только тѣло. Но кто рѣшится отстаивать такую нелѣпость? Кто дастъ нашему бренному тѣлу значеніе какого то существа мыслящаго, слѣдовательно произвольно увлекающагося въ извѣстные пороки, которымъ душа непричастна? Вообще разъединять въ существѣ человѣка душу и тѣло такъ, что все дурное въ нашихъ поступкахъ относить только къ тѣлу, а все хорошее къ душѣ,—значить не имѣть понятія о цѣломъ человѣкѣ, и въ частности о душѣ и тѣлѣ, такъ гармонически сплоченныхъ въ составѣ цѣлаго человѣка. А главное: тогда уничтожится различіе между человѣкомъ нравственнымъ и безнравственнымъ; разница только будетъ въ томъ, что въ первомъ будетъ добро положительное, а въ последнемъ отрицательное, хотя тоже добро. Значить людей собственно безнравственныхъ, страстныхъ, порочныхъ не будетъ и быть не можетъ. Но мы увлеклись въ нашихъ выводахъ и забыли данныя опыта, которыя всего яснѣе уничтожаютъ надежды на какое то чудодѣйственное одухотвореніе души, когда она отрѣшится отъ тѣла, и слѣдовательно всего тѣлеснаго.

Какія же это данныя? Кому выдалась жребій испытывать тяжкіе переломы въ жизни, особенно тяжелыя, продолжительныя болѣзни, тотъ вполне подтвердитъ это. Что ощущаемъ мы въ себѣ, по выдержаніи самыхъ сильныхъ болѣзненныхъ испытаній? Дѣлается ли душа наша, по изможденіи тѣла, лучшею, какъ бы болѣе духовною, болѣе нравственною? Повидимому, слѣдовало бы ожидать этого улучшенія жизни души, послѣ того, какъ болѣзненный кризисъ, нами выдержанный, ослабилъ тѣло, и тѣмъ подчинилъ его духу. Повидимому слѣдовало бы отселѣ жить человѣку жизнию,

по преимуществу, духовною: бросить всё грубыя привычки, отрѣшиться отъ низкихъ страстей и пороковъ, особенно когда сіи послѣдніе видимо произвели мнувшую болѣзнь. Но такъ ли бываетъ на самомъ дѣлѣ? Не споримъ противъ указаній опыта, по которымъ часто выдержавшіе болѣзненное испытаніе, въ продолженіе извѣстнаго времени дѣлаются какъ будто степеннѣе; по крайней мѣрѣ отрѣшаются иногда и надолго отъ тѣхъ разрушительныхъ склонностей и пороковъ, которые произвели болѣзнь. Но перерожденіе ли это, и навсегда ли даже и такое перерожденіе? Точно тяжелая болѣзнь смиряетъ насъ: мы иногда надолго отрѣшаемся отъ гибельныхъ привычекъ и страстныхъ увлеченій, произведшихъ болѣзнь. Но въ какихъ видахъ? Не въ видахъ ли поддержанія физическаго здоровья? Мы отрѣшаемся отъ грубыхъ привычекъ и пороковъ, но перемѣняемъ ли мы свои земныя привычки на небесныя, свои матеріальныя забавы на наслажденія духовныя, свои долу пресмыкающіяся страсти на восторженія горнія, словомъ: свои пороки на добродѣтели? А съ другой стороны: гораздо чаще опытъ говоритъ совершенно противное и высказанному нами перерожденію. Большею частию бываетъ такъ, что всё наши склонности и привычки, всё страсти и удовольствія, забавы и развлечения, не всегда даже умолкающія во время болѣзненнаго испытанія, воскресаютъ въ насъ съ новою силою и живостию, какъ скоро миновалось испытаніе. Это послѣднее явленіе такъ общезвѣстно, что нѣтъ нужды указывать на факты, выясняющіе оное. Часто тѣлесный организмъ нашъ еще не оправился отъ сильнаго болѣзненнаго потрясенія, внутренній механизмъ его еще не устроился, какъ должно, еще не окрѣпли, такъ сказать, пружины, стягивающія этотъ многослож-

ный механизмъ тѣлесный; но душа оставшаяся въ тѣлѣ, какъ духъ, чуждый тѣлесной немощи, уже снова осмыслилась и потянула машину тѣла по пути своихъ воспоминаній, привычекъ, удовольствій и развлеченій. Разслабленное, еще не оправившееся тѣло, имѣетъ нужду въ тишинѣ, покоѣ, а душа зараженная удовольствіями пира, компаніи, игры и т. под., самовольно влечетъ тѣло къ участию въ шумѣ этихъ развлеченій. Такимъ образомъ закрепѣлый въ пьянствѣ большею частию навсегда остается пьяницею; скупой, послѣ болѣзни, еще болѣе коснѣетъ въ скупости и т. под. Наконецъ не видимъ ли мы разительные опыты безнравственности, распутства всякаго рода въ лицѣ людей старыхъ, ветхихъ, одною ногою стоящихъ уже въ могилѣ? Храмина тѣла ихъ видимо разрушается, пылкія страсти давно уже чужды этимъ развалинамъ тѣла; но душа, такъ сказать, сжилась съ страстями, окрѣпла въ плотской жизни и они являются *стариками—повѣсами*.

Но допустимъ, что съ отрѣшеніемъ отъ тѣла, душа сброситъ съ себя всея плотскіе наросты; въ области духовной, куда душа переселится по смерти тѣла, эти плотскія стяжанія и не найдутъ мѣста. Но уничтожится ли въ душѣ самое направленіе къ земному, — способность, только въ земномъ и тѣлесномъ находить себѣ успокоеніе. Иначе: что станется съ душою, не пріобрѣтшею себѣ ничего собственно духовнаго для духовнаго царства, съ душою, которая и любила въ жизни только земное, жила и дышала только земнымъ? Очевидно, какая-то пустота, вѣчный голодъ будетъ участію такой души. И это не та пустота и не тотъ духовный голодъ, какія свойственны душѣ, пріобрѣтшей въ этой жизни вкусъ къ духовному, находившей въ этой жизни хотя нѣкоторое духовное услажде-

ніе отъ молитвы, богослуженія, пощенія и проч. Душа, не сочувствовавшая всѣмъ этимъ духовнымъ благамъ, еще здѣсь тяготившаяся временемъ поста и молитвы, во всю жизнь услаждавшаяся только ликами и тимпанами, а не нѣніемъ церковнымъ, не богослуженіемъ равноангельскимъ и т. под., откуда такая душа можетъ вдругъ пріобрѣсть себѣ чувство такого духовнаго голода, иначе: откуда породится въ ней вкусъ къ духовному? Нѣтъ,—голодь, угрожающій душѣ міролюбца, — не эта снательная жажда духовнаго, каковая жажда найдеть полное удовлетвореніе въ мірѣ духовномъ. Душа міролюбца должна готовить себя къ самому мучительному голоду въ царствѣ духовномъ, отъ невозможности удовлетворить своимъ земнымъ склонностямъ и привычкамъ; она будетъ страдать отъ той страшной, снѣдающей пустоты, которую съ ужасомъ обрѣтетъ въ себѣ въ той области, гдѣ нѣтъ предметовъ, удовлетворявшихъ ея земнымъ склонностямъ. Жажда мірскихъ стяжаній, забавъ и развлеченій должна пожирать чело-вѣка и возрастать въ немъ, но мѣрѣ возрастающаго сознанія невозможности удовлетворить имъ. Всѣ воспитанныя нами страсти, привычки, воспоминанія, грубыя фантазіи, соединенныя съ громковопіющею совѣстію (ибо тогда и совѣсть, нынѣ большею частію подавленная и усыпленная, воспрянетъ) ополчатся на нашу бѣдную душу, будутъ влачить ее туда и сюда, если она въ этой жизни не умѣла водворить въ себѣ гармоніи всѣхъ этихъ силъ и требованій, и сосредоточиться на Одномъ—Богѣ и Его вѣчномъ Царствѣ.

Такимъ образомъ, вотъ до какой разности между настоящимъ и будущимъ нашимъ состояніемъ дошли, мы путемъ психическаго анализа души и чрезъ зеркало подобій, снятыхъ съ опыта. То есть,

разность эта будетъ состоять не въ иномъ чемъ, какъ въ отсутствіи всего земнаго въ мірѣ духовномъ и въ высшей степени дѣятельности тѣхъ силъ и потребностей, которыя мы постарались развить и воспитать въ этой жизни. Значить, если мы должны ждать себѣ перемѣны, то перемѣна эта будетъ не въ пользу нашей безпечности, — во все не будетъ какимъ либо независящимъ отъ насъ перерожденіемъ нашего духа къ лучшему: мы пожнемъ только то, что сами посеяли. Жажда къ духовному (какъ мы сказали выше) не породится въ насъ и тамъ въ другой жизни, если мы не были знакомы съ нею въ этой жизни. Если же изъ немощныхъ сохранившихся отъ сей жизни сѣмянъ и породится эта жажда, то она больше будетъ терзать, чѣмъ улаживать насъ. Искра добра, негармонирующая съ общимъ строемъ души, чуждой духовнаго богатства, болѣе исполненной тлѣннымъ, земнымъ приобрѣтеніемъ—смядомъ страстей и пороковъ,—эта искра отъ огня Божественнаго будетъ (*) только жечь нашу совѣсть и робкимъ свѣтомъ своимъ будетъ только полусвѣщать мерзость заустѣнія души.

Такимъ образомъ, первѣе всего воспрянетъ наша совѣсть во всей своей грозной обличительности и всѣ тайныя мысли, всѣ грѣховныя воспоминаія огненнымъ потокомъ потекутъ по душѣ міролюбца. Такъ начнется въ насъ судъ надъ самими собою, еще помимо всякаго суда Божія надъ нами. Пусть не подумаетъ кто либо, что это собственные наши мысли, собственное, произвольное изображеніе заграбнаго состоянія души, осуждаю-

(*) Въ этой искрѣ добра,—останкахъ образа Божія, по которому сотворенъ человекъ, мы не можемъ отказать и самому закоренѣлому грѣшнику. Но крайней мѣрѣ и опытъ настоящей жизни не представляетъ человека всецѣло—абсолютно поработеннаго злу.

щей саму себя. Непререкаемое слово Божіе прямо со дня смерти проповѣдуетъ воздаяніе человѣкомъ по дѣламъ его: *удобно есть предѣ Богомъ, въ день смерти, воздати чловѣку по дѣломъ его... И въ скончаніи чловѣка открытіе дѣлъ его* (Сир. 11, 26. 27). Нѣтъ сомнѣнія, что это открытіе или лучше самооткрытіе дѣлъ чловѣка будетъ естественнымъ, непремѣннымъ слѣдствіемъ обнаженія души отъ тѣла, а съ нимъ отъ всего тѣлеснаго, такъ развлекавшаго, заслонявшаго отъ чловѣка его нравственную жизнь. Исчезнетъ, съ переселеніемъ въ другой міръ души, это разнообразіе предметовъ, которые удовлетворяли различнымъ мірекимъ склонностямъ ея, поблажали ея привычкамъ, услаждали развитую въ ней чувственность: и душа по неволѣ должна сосредоточиться, такъ сказать, войти въ себя саму и бесѣдовать только сама съ собою. Не ясно ли, что съ тѣмъ вмѣстѣ должно послѣдовать въ ней самое тяжелое открытіе дѣлъ ея? Не ясно ли, что голосъ совѣсти долженъ пробудиться здѣсь во всей силѣ своего страшнаго обличенія, а различныя мысли, мірскія привычки, воспоминанія тяжелымъ камнемъ сдавятъ бѣдную душу?! Вотъ почему, по свидѣтельству псалмопѣвца, *люта смерть грѣшниковъ*. Судъ надъ ними еще начинается здѣсь, въ страшные моменты разставанія души съ тѣломъ; это можетъ засвидѣтельствовать каждый видѣвшій страшную борьбу жизни съ смертію въ лицѣ міролюбца. Но это только начало болѣзнямъ. Бѣдной душѣ, разставшейся съ тѣломъ, предстоитъ болѣе страшное самоиспытаніе, болѣе убійственное самооткрытіе въ другомъ мірѣ, за предѣлами гроба, прежде нежели неумытнѣй судъ Божій навѣчно осудитъ ее.

Если можно приблизительно представить это положеніе грѣшной души до суда Божія надъ нею,

то подобіе этого, и только блѣдное, представляетъ намъ душевное состояніе преступника, брошеннаго въ темницу. Сидя одинъ, окруженный мракомъ, за рѣшеками и крѣпкими закладами, чѣмъ инымъ можетъ теперь заняться этотъ несчастный, какъ не самимъ собою, и только самимъ собою?! Издавна, съ первой юности преданный необузданному разгулу, никогда неостававшійся наединѣ съ самимъ собою (свойство преступной души), а во что бы то ни стало, искавшій разсѣянія въ шумныхъ оргіяхъ, которыя бы разгоняли его мрачныя мысли, заглушали его совѣсть, онъ, быть можетъ, впервые, сходитсѣ, такъ сказать, глазъ на глазъ съ самимъ собою въ темницѣ, впервые принужденъ взглянуть на свое прошедшее, услышать грозный голосъ подавляемой доселѣ совѣсти. И какая невыносимая попытка бываетъ для преступника въ этой одной встрѣчѣ съ самимъ собою!. Подобно прозрѣвшему послѣ долговременной слѣпоты, онъ теперь только ясно видитъ всѣ преступленія свои—не только явныя, но и скрытыя. Что я говорю? Цѣлая картина его жизни, во всемъ черномъ, отвратительномъ видѣ, цѣлый темный облакъ воспоминаній, одно другаго мучительнѣйшихъ, неразъ проносится теперь предъ его взоромъ!.. Не съ такою ли же живостію и нестразимою сплюю воспрянуть всѣ мысли, желанія, воспоминанія и въ душѣ, разлученной съ тѣломъ, по переселеніи ея въ иную сферу? Ибо душа миролюбца чѣмъ инымъ можетъ заняться въ иномъ мірѣ, какъ, подобно темничному узнику, не собою,—и только собою? Страна эта, куда перенесется блѣдная душа грѣшника, не сродна ея стремленіямъ и укоренившимся привычкамъ. Мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что въ самыхъ райскихъ красотахъ душа грѣшника не нашла бы сроднаго себѣ блаженства: она не разви-

ла вкуса къ этимъ духовнымъ наслажденіямъ. Какъ здѣсь на землѣ искала она услажденія не въ церкви Божій, отобразившей собою Царство Божіе на небѣ, какъ здѣсь священное богослуженіе, церковныя пѣсни наводили скуку на эту плотяную душу, и она бѣжала тѣшить себя праздничными пирами, пѣнями мірскаго разгула; такъ и въ томъ премірномъ Царствѣ не для нея небесныя красоты и райскія наслажденія!!! Неудивительно же послѣ этого, если та область, куда переселится душа безъ тѣла, представитъ собою для нея ту же темницу узника, которая заставитъ ее сосредоточиваться только на себѣ самой, которая невольно вызоветъ предъ смятеннымъ взоромъ ея цѣлую картину ея мірскаго житія, со всеми тайными ея желаніями и мыслями, вообще во всей ея убійственной чернотѣ и нравственномъ безобразіи. И исторія жизни грѣшника, отъ самаго отдаленнаго ея начала до послѣдняго конца, постоянно будетъ предноситься взору души его, оставленной самой себѣ, отдѣленной отъ всего мірскаго; она будетъ постояннымъ предметомъ ея занятія; въ страшныхъ образахъ, создаваемыхъ смятенною совѣстію и воображеніемъ, посясь предъ нами, она будетъ содержать насъ въ постоянномъ мучительномъ страхѣ и сдѣлаетъ жизнь нашу плачевнѣе смерти. Тогда то мы явимся безъотвѣтными предъ своею совѣстію, отъ которой не спасетъ насъ ничто, ничто! Никакой романъ, никакая газета о новостяхъ общественныхъ, ни работа по дѣламъ домашнимъ, ни музыка, ни собранія друзей и т. п. не придутъ къ намъ на помощь, не развлекутъ, не разсѣять нашего одиночества; не спасутъ насъ отъ убійственныхъ мрачныхъ мыслей; не заставятъ замолчать совѣсть. Мучительное повтореніе нашей жизни, все болѣе и болѣе нами проясняемой, а

потому принимающей болѣе мрачныя образы, будетъ нашимъ жребіемъ, доколѣ страшная труба Архангела не воззоветъ насъ къ окончательному рѣшенію нашей страшной участи.

Высказанная нами переменна съ душею міролюбца, только, конечно, въ обратномъ направленіи, совершится и въ душѣ праведника, отрѣшеннаго отъ тѣла, переселившагося въ жизнь загробную. То есть: какъ душа грѣшника не перетворится собственно смертію, а отрѣшеніе ея отъ тѣла только возвыситъ степень дѣйствія свойственныхъ ей силъ, стремленій, наклонностей; такъ и душа праведника не сдѣлается ни грѣшнѣе, ни праведнѣе, но свойственныя ей духовныя стремленія, потребности, — каждая высшаго духовнѣйшаго, станутъ на высшую степень силы. Подобно душѣ міролюбца, впервые узрѣвшей правственную наготу свою, съ переселеніемъ въ иной міръ, и душа праведника лицомъ къ лицу увидитъ теперь себя саму со всеѣмъ духовнымъ своимъ приобрѣтеніемъ. Мало этого, состояніе души праведника теперь радостно обновляется, — все ея силы, воспитанныя ею направленія, чувствованія и пожеланія такъ близки теперь къ цѣли, которой старалась достигнуть она въ теченіе земной жизни! Тамъ, въ земномъ мірѣ, только окомъ вѣры прозирала она въ эту цѣль, и сколько препятствій міръ поставлялъ ей на пути достиженія цѣли!? Здѣсь она лицомъ къ лицу встрѣчается съ вождѣленною цѣлію, и міръ не закрываетъ отъ нея небесныхъ красотъ оной. Поэтому первое чувство души праведной, преданной всецѣло Богу, послѣ того, какъ она, такъ сказать, осмотрится въ новомъ мірѣ, не иное можетъ быть, какъ хвала и благодарное моленіе Богу за то, что брань души съ тѣломъ окончена, рѣшительный шагъ къ жизни и безсмертію совершенъ. Страшный вопросъ: «чего

ожидать мнѣ теперь,» такъ свойственный путнику, зашедшему впервые въ чуждую ему область, не приведетъ въ трепетное отчаяніе праведника. Онъ знаетъ своего Искупителя, и вѣра въ Него, такъ крѣпко, такъ глубоко водворенная въ сердце, скоро ободритъ новаго пришельца. Отъ сладчайшаго Иисуса, къ которому прилѣпленъ онъ былъ цѣлую жизнь всѣми силами души своей, онъ ожидаетъ теперь рѣшенія своей участи, съ тѣмъ глубокимъ смиреніемъ, которое и въ жизни отпечатлѣвало всѣ его дѣйствія, всѣ помыслы его духа. Пусть не подумаетъ унивающійся земною гордынею, что этотъ страхъ предъ Богомъ, въ руку Котораго теперь душа праведника,—это благоговѣйное смиреніе предъ величіемъ славы Его, сопряжено будетъ для души праведника съ какою либо тягостію, или чувствомъ недовольства, какъ привыкли сыны гордости представлять себѣ первую добродѣтель подвижника—смиреніе. Нѣтъ, только миролюбцу смиреніе представляется какимъ-то хищеніемъ его чести, тяжелымъ гнетомъ его самолюбія, будтобы отнимающимъ самое достоинство человѣческое, или, по крайней мѣрѣ, подавляющимъ его свободу. Не такъ сознаетъ, не такъ чувствуетъ себя еще здѣсь *смирренно—ведущійся* ученіемъ Христовымъ. Еще здѣсь на землѣ, одушевляемый благоговѣйнымъ смиреніемъ предъ Всевидящимъ Господомъ, Онъ ходитъ въ такой широтѣ свободы,—такъ легко постигаетъ истину умомъ, такъ радуется сердцемъ, какъ далеко ширится Его воля, какъ это понятно

бываетъ только для предназначенныхъ въ свободу славы чадъ Божіихъ. Чувство рабскаго страха предъ лицомъ Божиимъ во все не было знакомо сердцу праведника еще здѣсь, въ теченіе всего смиреннаго его подвижничества; онъ никогда не раздѣлялъ мысли грѣшника: *«не бо узритъ чело-вѣкъ лица Божія, и живъ будетъ.»* Чувство сыновней любви къ Богу всегда наполняло его душу, въ такомъ чувствѣ онъ не разъ, съ Апосто-ломъ, *желаніе имѣлъ разрѣшиться и со Хрис-томъ быти* (Фил. 1, 25), — не разъ выражалъ *дерзновеніе паче отъйти отъ тѣла, и вни-ти ко Господу* (2, Кор. 5, 3). Чтожъ, когда онъ при-детъ и явится лицу Божию? Будутъ ли имѣть въ душѣ его мѣсто —какая нибудь мысль, какое либо чувство, либо поползновеніе воли, не гармонирую-щія съ цѣлымъ существомъ его духа, не устрем-ленные къ одному источнику свѣта и блаженства— Богу? Не сольются ли тамъ, во свѣтѣ міра духов-наго, всѣ мысли, чувствованія, всѣ желанія и на-правленія челоуѣка —праведника въ одно сладост-ное чувство любви, въ одно сладостно — трепетное благоговѣніе, въ одно всецѣлое и безконечное слу-женіе Богу, вмѣстѣ съ чистыми и свѣтлыми духа-ми—Ангелами? *Когда прииду и явлюся лицу Бо-жію?.. Быша слезы моя ниль хлѣбъ день и ношь* (Псал. 41, 3, 4);.. такъ говоритъ о себѣ, въ предчувствіи будущаго явленія предъ Богомъ, одинъ праведникъ. Но что это за слезы? Цѣлый земный міръ, со всѣми его сокровищами, не сто-итъ и капли этихъ драгоценныхъ слезъ!!

Въ заключеніе размышленія нашего о загробномъ состояніи души мы повторимъ то, чѣмъ начали размышленіе. Не обольщаться пустою мечтою свойственно христіанину, — мечтою, что все дѣло касательно нашего вѣчнаго будущаго устроится хорошо, по волѣ Всеблагаго Творца человѣковъ; а стараться самому, пока есть время, устроить себѣ это лучшее будущее. Мы эту мысль старались раскрыть и уяснить для сознанія каждаго путемъ самаго близкаго каждому человѣку психологическаго анализа и опытныхъ, аналогическихъ явленій въ этомъ мірѣ. На сколько успѣли мы въ этомъ, пусть судить читатель.

Профессоръ Семинаріи, Г. Г. Сладкопѣвцевъ.

Съ дозволенія цензуры 30 Апрѣля 1864 года.

Тамбовъ, Въ Типографіи Палаты Госуд. Имуществъ.